

ОГОНЁК

№ 29

1980

Александр ГАВРИЛОВ

**И ВЕЧНОСТЬЮ
ЗАПОЛНЕН МИГ...**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 29

Александр ГАВРИЛОВ

И ВЕЧНОСТЬЮ
ЗАПОЛНЕН МИГ...

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Александр ГАВРИЛОВ

Александр Тимофеевич Гаврилов родился в 1933 году на Украине. После десятилетки учительствовал в сельской школе. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

В 1957—1960 гг. работал литсотрудником, корреспондентом, заведующим отделом Ворошиловградской областной партийной газеты «Знамя победы»; в 1960—1962 гг.—редактором Ворошиловградской областной молодежной газеты «Молодая гвардия». Избирался членом райкома партии, членом бюро обкома комсомола. В 1962—1964 гг. был на ответственной комсомольской работе в ЦК ЛКСМ Украины и в ЦК ВЛКСМ, в 1964—1968 гг. работал заместителем главного редактора журнала «Сельская молодежь». С октября 1968 года — на партийной работе.

Печататься начал с 1951 года. Автор книг «Борец, созидатель, новатор (образ коммуниста в современной прозе)», «Гуманизм сегодня», «Века сыновья» (составитель), ряда статей в центральной и местной печати, в том числе журналах «Знамя», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Журналист», «Молодой коммунист», «Пограничник», «Наука и жизнь» и других.

На обложке: памятник политруку А. Г. Еременко, в честь героического подвига политработников Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Скульптор — Иван Чумак.

Фото Ю. Хромушина.

И ВЕЧНОСТЬЮ ЗАПОЛНЕН МИГ...

...Суровый и неповторимый 1918 год... Из пролетарского Иваново-Вознесенска уходит на фронт рабочий полк. Звучат слова прощания, невольно возникают незлобивые споры, в коротких репликах прорываются глубинные тревоги и ожидания. В центре внимания, в центре действия — рабочий отряд, героикоммунисты, идущие на Колчака.

В этом эпизоде первой главы «Чапаева» Дмитрий Фурманов с необыкновенной точностью определил и само место героев-коммунистов в историческом поединке старого и нового мира и народный взгляд на них как на творцов исторического будущего.

«— Время сурьезное — кто говорит...

— Ну, как же не сурьезное, Колчак-то, он прет почем зря. Вишь, и на Урале-то нелады пошли...

— Да... Как-то и дела наши ныне пойдут, больно уж плохо все стало, — пожалобился скучный, печальный голосок.

Ему отвечали серьезно и строго:

— Кто ж их знать может: дела сами не ходют, водить их надо. А и вот тебе первое дело — тыща-то молодцов!.. Это, брат, дело — и большое дело, бо-ольшое!..»

Прекрасные страницы молодой советской прозы! Это неоспоримый факт: советский роман, эпос нового мира, рождался вместе с появлением первых героев — коммунистов, «общего дела водителей». В них, в их характерах революционный народ осознал себя, свое призвание, свои идеалы и нравственные устои. Ум, честь и совесть новой эпохи — такими входили в советский эпос героикоммунисты на всех этапах его развития.

Монументальная форма этого романа, с размахом в охвате исторических событий, его дух исторического оптимизма, вера в человека и в возможность победы над самыми мрачными силами не получили бы такого развития, если бы литература — вообразим это на миг! — разминулась на дорогах истории с этими героями. Героикоммунисты воплощали не только единство партии и народа, — в них наиболее рельефно воплощено единство

революционного действия и гуманизма, ленинизма и передового художественного метода.

По справедливому замечанию писателя Петра Проскурина, внимание советской литературы с самого ее возникновения приковано к образу коммуниста, так как он является центром нерва социально-нравственных перемен, импульсы которого пронизывали и скрепляли всю народную толщу.

Именно поэтому «Мать» М. Горького, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» и «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Соть» Л. Леонова, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Бурьян» А. Головки, «Всадники» Ю. Яновского, «К новому берегу» В. Лациса, «Утро» М. Гусейна, «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Школа жизни» С. Муканова и другие классические произведения советской литературы, как и романы и повести, посвященные героизму народа в Великой Отечественной войне, в наши дни коммунистического созидания остаются не только главным источником познания основных черт, движущих сил нашей эпохи. Они сами, их герои, такие, как Павел Корчагин и Алексей Мересьев, Давыдов и Лютиков, Бахирев и Балувев, стали великой преобразующей силой, светочем новых идей, творцами целого кодекса передовых нравственных норм.

Без этих и других имен, ставших живыми символами эпохи, мы не представляем себе времени революции, гражданской войны, мирного строительства в довоенные пятилетки, Великой Отечественной войны, восстановления народного хозяйства. Это о них сказал Ярослав Смеляков в одном из своих стихотворений — о целом поколении создателей и водителей общего дела:

В скрижали родины Советов
врубило, как зубилом, ты
свой идеал, свои приметы,
свои духовные черты.

Но естествен и закономерен вопрос: а кого сегодня можно назвать в советской литературе наследниками и продолжателями этих борьбы и исканий, кто сегодня несет вдохновенный революционный порыв, может служить эталоном идейной стойкости и нравственной чистоты? Сколь достойно и полно обретающие сейчас жизнь художественные произведения воплощают образ нашего современника — правифлангового строительства коммунизма, показывают размах его созидательного труда, его нравственное воздействие на окружающих?

Современная советская проза — это обширный мир героев, идей; это живой поступательный процесс, связанный с повседневными делами ленинской партии, всего советского народа. Естественно, что происходит непрерывное обогащение и социального портрета героя-коммуниста, его черт исторического оптимизма. Советская многонациональная проза последних лет, явление разнообразное и сложное, расширила тематические и эстетические границы; возросло ее мастерство психологического анализа, стали отточнее, индивидуальнее стили.

Нельзя понять ход современной истории, характер и содержание нашей эпохи, не осмыслив того, что ныне советский народ и Коммунистическая партия слились в единую могучую и нерасторжимую силу, не уяснив, что коммунисты — непреходящий авангард любого прогрессивного народного движения, люди, видящие главное свое предназначение в борьбе за достойное будущее человечества. Такое место люди партии занимают в реальной жизни, и поэтому вполне естественно, что советская литература отвела образу коммуниста центральное место в галерее значительных героев художественных произведений.

Советская многонациональная литература вопреки прогнозам и надеждам зарубежных жетолкователей нашей истории и современности свято выполняет ленинский завет художникам о партийности позиции, ищет и находит в жизни те приметы коммунизма, которые проявляются в повседневной действительности, умеет видеть по-ленински заинтересованно «человека будущего в России».

В современных литературных спорах со многими даже субъективно честными зарубежными художниками советским писателям нередко приходится слышать горестные суждения: а по плечу ли человечеству само управление историческим процессом, а сможет ли оно «обуздать» мрачные силы варварства, то и дело вырывающиеся наружу? Есть ли вообще прогресс, разум, созидательный смысл в истории? Можно ли верить в оптимистический ход событий? Известный западногерманский философ-экзистенциалист К. Ясперс, отрицая всякий смысл истории и роль идеалов, коллекционируя эпизоды хаоса и деградации буржуазного мира, писал: «И так идет все далее, от одного бедствия к другому, с короткими проблесками счастья, с островами, которые остаются нетронутыми потоком, до тех пор, пока и они не затопятся... Мировая история — это улица, которую дьявол умустил разрушенными ценностями».

Тенденциям исторического пессимизма, скепсиса советские писатели противопоставляют характеры, произведения, говорящие о силе революции, народа, о власти человека над историческим процессом, противопоставляют высокую любовь к чело-

веку, его разуму и красоте, чувство интернациональной солидарности.

Взросший историзм мышления писателей, их стремление увязать свой личный опыт с широким взглядом на события прошлого с высоты нашего нынешнего зрения — одна из важнейших особенностей литературного процесса нашего времени, процесса, характерного как для документальной, так и для художественной прозы. Это настойчивое обращение к опыту минувших десятилетий отражает возросшую потребность общества с сегодняшней исторической зрелостью объективно оценить свой пройденный путь. При такой оценке неминуемо отменяются попытки с непартийных, внеклассовых позиций оценивать свершенное народом, когда умалывается значение его социалистических завоеваний. Такая оценка развенчивает и догматические представления, игнорирующие те большие положительные перемены, которые произошли в жизни нашего общества за последние годы. Этот партийный, классовый, патриотический подход к событиям минувшего страны сплавляет воедино опыт прошлого с живым творчеством современников, позволяет приподнять завесу будущего.

Люди находят самих себя в праотцах и потомках. Как метко выразился Белинский, мы вопрошаем и допрашиваем прошлое, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем. Нас, живущих в 80-е годы XX века (да и не только нас, но и тех, кто нас наблюдает со стороны), кровно интересует вопрос: какие мы, советские, сегодня? Но, углубляясь в него, мы задаемся новыми вопросами: а почему мы именно такие и как стали такими?

Естественнее всего ждать ответ на эти и другие вопросы от историко-революционного эпоса наших дней, эпоса, в котором многие герои могут сказать о себе, подобно лирическому герою Владимира Луговского:

Живое время — весь я твой
До глуби сердца, до предсмертной мысли...

Среди таких произведений, воссоздающих эпоху во множестве ее взаимосвязей и сдвигов, мы видим романы, как бы возвращающие нас к первоистокам социалистической государственности, поступательного революционного развития, — «Сибирь» Г. Маркова, «Истоки» Г. Коновалова, «Соленая Падь» С. Залыгина, «Дыхание грозы» И. Мележа, «Вечный зов» А. Иванова, «Философский камень» С. Сартакова...

...Роман Г. Маркова «Сибирь» начинается с эпизода, когда пьяная толпа мужиков и баб нарымской деревни Голещихино,

по наущению пристава, требующего немедленно изловить «наиважнейшего государственного преступника», идет с ружьями, вилами и ухватами выслеживать беглого революционера. Да, так было в те далекие, глухие времена. И причиной тому были не только отсталость, не только социальное угнетение царских сарапов, но и разнузданная клевета тогдашней официальной прессы, изображавшей большевиков этакими кровожадными бородачами с кинжалами в зубах или пронумерованными обитателями социалистической «казармы». Большевикам приходилось сталкиваться и с забитым мужиком, и с обманутым рабочим, и с изверившимся интеллигентом. Даже такому светлoму уму, каким является один из главных героев романа, ученый с мировым именем Венедикт Петрович Лихачев, живущий вещим предсказанием Ломоносова, что «богатство России будет прирастать Сибирью», путь, предначертанный России большевиками-ленинцами, держащими курс на превращение войны империалистической в войну гражданскую, кажется гибельным.

«Кто поведет Россию в революцию?» — спрашивает Лихачев своего любимого ученика Ивана Акимова. «Бородатый мужик, темный и забитый?.. Мужик упрям, не захочет вашей «свободы», и ничем ты его не стронешь с места».

«Наш брат интеллигент?.. Одних припугнут, другим дорожке заплатят, третьи не рискнут терять кусок хлеба насущного! Этой силе крепкие подпорки нужны, чтобы не качалась она из стороны в сторону».

А может, пролетариат? «Вот он, твой пролетариат! Сегодня с тупым надрывом песни поет, завтра с таким же надрывом будет плакать, а послезавтра, забыв и то и другое, начнет убивать себе подобных, даже не спросив себя, во имя чего он это делает...»

Сколько же нужно было оптимизма и дальновзоркости людям, подобным герою романа большевику-ленинцу Ивану Акимову, чтобы сквозь это неверие интеллигентов, сквозь социальную темноту сибирских мужиков, сквозь клевету и наветы врагов социализма нести годами и десятилетиями великую веру в светлое будущее народа, Родины, Сибири. Какими нужно было обладать даром предвидения и твердой уверенностью в победе пролетарской революции той партии, к которой принадлежал Иван Акимов, чтобы дать ему, партийному организатору и агитатору, в которых так нуждалась зреющая и разрывавшаяся революция, предписание бежать из Нарыма... Бежать для того, чтобы помочь тяжело заболевшему в Стокгольме Лихачеву обобщить и сохранить результаты многолетних ценнейших сибирских исследований. Полна государственного смысла эта исполненная далекого предвидения логика большевиков.

Глубоко символичен эпизод в романе, когда, едва избежав страшной гибели, скрываясь от царских ищущек, Иван Акимов начинает изучать окрестности дальнего зимовья. Он преисполнен непоколебимой уверенности, что работа его крайне необходима для огромного и таинственного, удивительного и обещающего края, имя которому — Сибирь.

Прислушаемся же к размышлениям Акимова. «Как знать, — думает он, — может быть, недалеко, совсем недалеко до того дня, когда рухнет самодержавие, падет власть капитала и в России начнется новая эпоха... И тогда вдруг окажется: нет, совсем не излишними были у большевиков все эти вынужденные путешествия по российским просторам. Ведь рано или поздно все эти бесчетные озера и реки, овраги и холмы, леса и поляны придется вовлечь в хозяйственный оборот. Не может же Россия, обладая такими неисчислимыми пространствами, оставаться страной с ограниченными производительными силами. У нее все еще впереди... А чтобы переделывать свою землю по-новому, надо прежде всего ее знать... осмотреть ее, ощупать, ослушать...»

Еще совсем молод, во многом неопытен этот двадцатитрехлетний студент Иван Акимов, но он, всем сердцем поверивший Ленину, по сути, уже в первой книжке романа Георгия Маркова выходит победителем в моральном споре с Лихачевым. Он не только побеждает сам, но и помогает обрести веру в будущее и самому Лихачеву. И победа эта была возможна потому, что Лихачев увидел, как велико у большевиков, взявших на себя величайший труд сохранить и умножить духовное наследство нации, чувство ответственности, оптимизма, как крепка нить их исторической преемственности.

Сила романа Г. Маркова «Сибирь» заключена в том, что в нем весьма убедительно показано, что Иван Акимов не исключительное, какое-то особое явление в условиях 1914—1915 годов, когда Европа полыхала в пламени мировой империалистической войны. Роман подводит нас к мысли, что «медвежьи углы» типа болотно-таежного Нарыма не так уж были беспросветны, что в них давно уже проникал свет разума и человечности и что благодаря хранителям лучших нравственных качеств народа опальным бунтарям Федору Безматерных, Федору Горбоносу, Домнушке Кривокуровой, благодаря перенимающим эти лучшие нравственные качества их наследникам и преемникам, подобным Поле, в Нарымском крае могли возникнуть своя большевистская организация и действовать свое революционное подполье.

Знаменательным представляется тот факт, что, казалось бы, могущественная власть, против которой борются большевики,

оказывается бессильной перед Иваном Акимовым. Ни нарымскому уряднику, ни парабельскому приставу Филатову, несмотря на то, что они призвали себе в помощники окружающую темноту и дикость, обещают награды и организуют погони, так и не удается схватить «наиважнейшего государственного преступника». Живущий яркой духовной жизнью, полный патристической заботы о дальнейшем изучении несметных сокровищ Сибири, преследуемый, но свободный, Акимов идет навстречу революции, грядущему преображению России...

Нет, не всемирный потоп очищает пространство истории от хаотичного нагромождения обломков, от болезней, которые нес буржуазный мир. В романе наших дней все громче, все явственней звучит мысль о революции как о великой очистительной силе, помогающей освобождению человеческого в человеке, делающей реальным самые высокие нравственные идеалы, о глубокой гуманности революции, требующей от ее участников чистых помыслов и чистых деяний. Этим значителен и роман Анатолия Иванова «Вечный зов», действие первой книги которого, как и в романе «Сибирь», в значительной мере относится к началу революционного движения в России.

Роман А. Иванова — это роман-диалог об этих проблемах о гуманизме и подлинности партийности.

В центре повествования находятся образы коммунистов — Антона Савельева; партизанского командира, а потом секретаря Шантарского райкома партии Кружилина; секретаря обкома Субботина; председателя колхоза, бывшего партизана Панкратана Назарова... Одни из них, как, например, Кружилин, изображены довольно подробно, тщательно; другие, как Назаров, Субботин, Антон Савельев, очерчены более бегло, но все же каждый из этих образов объемлен, врезается в память.

Взять хотя бы старшего из трех братьев Савельевых — Антона — одного из главных героев романа. Сцен, где действует этот волевой, незаурядный, решительный, умный и самоотверженный человек, не так уж много. А. Иванов так построил основную канву своего произведения, что более 20 лет жизни Антона Савельева, к сожалению, остались за рамками романа. Несмотря на это, образ Антона Савельева, деревенским подростком отправленного отцом в город и там пришедшего в подполье к большевикам и ставшего убежденным коммунистом, обрисован в романе «Вечный зов» довольно выразительно. Своенравный и озорной деревенский парнишка; отчаянный, дерзкий юноша, которого не столько поглощает подпольная революционная работа, сколько влекут сами по себе риск и опасность, связанные с ней; сознательный подпольщик, испытавший аресты, ссыл-

ки; участник революции, побывавший в застенках белогвардейской контрразведки; и, наконец, самоотверженный, наделенный обаянием, широтой души, чувством прекрасного вожак масс — директор завода, — таков яркий, увлекательный путь этого неприсполненного веры, силы духа, мужества большевика.

Ярок и символичен эпизод в романе, когда Антон, присланный в Шантару в качестве директора эвакуированного завода, спасая людей и крайне важное для обороны производство, сознательно жертвует собой и сгорает заживо, отключив электрический ток во время аварии на заводе. Героическая жизнь, героическое ее завершение — они органичны и закономерны для всего жизненного поведения Антона Савельева. В этом героическом образе — подлинная правда времени, когда борьба за высокие идеалы века и коммунистическая идеология стали линей жизни сотен и тысяч.

Значительны в романе «Вечный зов» и другие образы коммунистов — секретаря Шантарского райкома партии Поликарпа Кружилина, мужественно, до последней возможности стремившегося в середине тридцатых годов воспрепятствовать выходу органов внутренних дел из-под контроля партии; председателя колхоза Панкрата Назарова, твердо убежденного в том, что путь подъема хозяйства неотделим от благополучия каждого труженика; идейного наставника Антона Савельева секретаря Новосибирского обкома партии Ивана Субботина.

Знакомство с этими крупными, яркими, жизненно достоверными образами большевиков, поставленными автором по логике жизненной правды в центр повествования романа, отражает жажду писателя уловить и запечатлеть глубинные процессы народной жизни, социальные и нравственные сдвиги в социалистическом обществе, в самой психике нового человека.

Разная манера, разные стили повествования отличают Г. Маркова, А. Иванова и С. Залыгина, но подход к объекту изображения, к своим героям сходен: писатели меряют их высокой мерой коммунистичности, судят их высочайшим судом революции, совершенной в Октябре и продолжающейся в наших душах и поныне. Так судят своих героев не только авторы, так судят самих себя и герои произведений.

Может быть, наиболее точно звучит эта мысль в романе Сергея Залыгина «Соленая Падь», в реплике одного из персонажей: «Время — до мировой революции рукой достать! И нынче мы ее, мировую, сделаем, а завтра она нас, мужиков, сделает людьми. В корне изменит нас».

Освобождающей Революцией жили, за преобразующую Революцию боролись герои романа С. Залыгина, романа, раскрывающего борьбу против буржуазно-помещичьей диктатуры Кол-

чака в сложных условиях, когда крестьянская масса создала необычную партизанскую республику, окруженную со всех сторон белыми. Настроения в этой республике противоречивы, восставшая крестьянская масса неоднородна, еще заражена стихийничеством, анархией. И все же это масса, обдумывающая себя, а значит, уже не совсем стихийная.

« — Ты гляди, до чего народ дошел: сам власть назначает, сам за себя воюет, сам и судит, кого вздумает. Кто бы допрежь подумал?!»

И в другом месте:

« — Справедливость — до края! На другом не помиримся! — Завтра же провозгласим на съезде окончательную Советскую власть! Хватит нашим штабам неизвестно как называться!..

— Оставить как есть. Подлинная Советская власть придет — скажет, как сделать!

Все ж таки сила — народ? Сколь жили — не знали!»

И в том, что она, эта стихийная масса, тянется к Советской власти, к выдвинутым ею лозунгам — лишнее неопровержимое свидетельство кровной близости этой власти трудовому народу, а ее целей — извечным устремлениям крестьянства.

Действующие в повести коммунисты, и прежде всего главнокомандующий Ефрем Мещеряков, несколько отличаются от таких высокосознательных представителей армии большевиков, как, скажем, Кожух, Клычков или Давыдов. Они способны, например, раздумывать над тем, насколько практически целесообразен лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Но они не отгорожены от житейской образованности, которая дает им предчувствие и убежденность, что большевики — истинные защитники интересов трудового народа, и потому дело их правое. И едва лишь стоило объяснить Мещерякову, что от соединения пролетариев всех стран зависит «целиком и полностью» он сам, стоило сказать ему, что в одном из соленопадских полков есть интернациональные роты, как на вопрос о том, за пролетарскую ли он солидарность, Ефрем Мещеряков ответил: «В принципе — об чем разговор? А когда здесь, в нашей армии, будут воевать мадьяры — тем более!»

Не напоминает ли это известную по кинофильму Васильевых ситуацию с ответом Чапаева на вопрос, за кого он — за большевиков или за коммунистов? И напоминает и нет. Не напоминать не может, ибо выходцы из крестьянской массы — вожаки революционных народных соединений — имели много сходного: они учились азбуке революции в ходе революции. Вместе с тем события, в которых действует Ефрем Мещеря-

ков, не только сходны, но и отличны от событий романа и фильма «Чапаев».

Если в романе Д. Фурманова борьба в лагере чапаевских войск происходит между стихийностью выступления и сознательным, высокоидейным выполнением революционного долга, то в «Соленой Пади» по обе стороны такого водораздела стоят повстанческая стихийность, приобретающая постепенно черты сознательности, и — мелкобуржуазная авантюристичность, индивидуализм. Отзывчивому на энтузиазм восставших масс, остро чувствующему их правоту и свой долг перед ними Мещерякову в романе С. Залыгина противостоит глядящий «на своих кровавыми глазами» Брусенков, в глубине души которого живет неверие в народ, боязнь народа и в конечном счете презрение к нему. Суть Брусенкова наиболее полно раскрыта в следующей, близкой к троцкизму, к маоизму, платформе: «Пусть белые придут. Пусть порушат нас! Это что будет значить? А то и будет, что война наша с мировым капиталом еще жестче сделается. Еще больше массы осознают свое великое дело! Войдут в революцию с головой, без остатка...»

Коммунистам, действующим в «Соленой Пади», — комиссару Петровичу, питерскому рабочему Кондратьеву, матросу Говорову, Довгалю и другим, — приходится не только сплачивать ряды восставших для битвы с беляками, воевать со стихийностью в собственных рядах, но и сдерживать «архиреволюционные», горячие головы, дабы белые действительно не пришли и не порушили восставших, как того хотелось бы «максималисту» Брусенкову. Выполняют они свой долг, как и подобает коммунистам.

Вспомним хотя бы выступление на волостном митинге комиссара Петровича и чувства, которые он вызвал у писавшего сообщение об этом народном собрании.

«Море голов — пречел Мещеряков и тотчас представил это море. — А по мере того, как товарищ Петрович говорил, настроение все поднималось. Когда же он кончил, раздалось голоса: «Все пойдем! Все умрем! Долой Колчака!» Какой царил подъем духа! Сколько энтузиазма!.. Как величественно, как красиво это восстание!»

С особой силой деятельный революционный гуманизм коммунистов проявился в драматичнейшем эпизоде, когда в силу трагического поворота событий Мещеряков вновь — после кажущейся перестройки — стал пленником стихии, пустился с друзьями в пьяный разгул в Моряшихе. Как только Петрович узнал о том, он немедленно прибыл со своими интернациональными ротами и сделал максимум возможного, чтобы вытащить Мещерякова из разгула.

Не удалось в Моряшихе Петровичу образумить его. Ослепленный гневом Мещеряков принимает решение после сдачи белякам Моряшихи идти в Соленую Падь, чтобы разогнать главный штаб. И тут на пути его анархистского неистовства встали коммунисты Петрович и Довгаль. Увещевая и сурово осуждая его, они вместе с тем проявили о Мещерякове глубокую партийную заботу. Это была действительно партийная забота. Гневно обличая его в том, что он стал рабом своих низменных страстей и побуждений, раскрывая всю вредность противопоставления себя народу, коммунисты выступили затем в его защиту, поверив лучшему в герое, сберегли его для революции.

И на собрании представителей районных и главного штабов и потом на Втором съезде делегатов всех районов освобожденной территории они, коммунисты, отдавая себе отчет в том, как сложен, как противоречив и далеко не безупречен Мещеряков, все же защищают его и тем самым во имя предстоящей победы над колчаковцами отстаивают высшую, народную, революционную справедливость. Они отстаивают эту отнюдь не абстрактную справедливость, они убеждены в ее торжестве, так как видят, что в отличие от манипулирующего высокими лозунгами, но равнодушного к людям, не способного к критическому самоанализу Брусенкова главком Мещеряков слит с народом, служит ему, жестоко судит себя за промахи, а потому «по самой высшей честности» послужит революции.

Глубоко символический финал романа (армия, выйдя из окопов, полк за полком, под красными знаменами ринулась на врага) и весь ход повествования показывают, что само участие в революционных преобразованиях, в борьбе за народные интересы содействует победе в душе партизанского вождя Мещерякова лучших качеств большевика. В горниле классовых битв обретают себя как личности и другие персонажи «Соленой Пади».

Среди коммунистов в романе, бесспорно, особой любовью и окружающий и самого автора пользуется командир полка красных соколов, а впоследствии комиссар армии Петрович. Петрович — воплощение сознательности и организованности, партийной принципиальности и совестливости, революционного долга и глубокой человечности. Вспомним, какое сильное впечатление на главкома Ефрема Мещерякова произвели воинский порядок, строгая дисциплина, постановка воспитательной работы в полку, которым командовал Петрович. Когда Ефрем Мещеряков высказал Петровичу беспокойство, как бы чрезмерно строгий порядок не обернулся в условиях партизанской войны своей противоположностью, Петрович резонно отвел его опасения:

дисциплину он строит на сознательности, сознательность — на знании цели, а потому будут солдаты воевать «и гордо, и весело, и лихо».

Сколько терпения, такта и выдержки проявил Петрович, стремясь убедить Мещерякова в том, что спасение Соленой Пади должно быть выше чувства нанесенной ему обиды! Пытаясь вытащить его из анархистского разгула, Петрович первым без обиняков заявил ему: «Личность восторжествовала в тебе, и ты стал ее рабом». Высказал это ради того, чтобы освободить Мещерякова из пут низменных страстей, снова вернуть его талант на службу народным интересам.

Огромное идейно-нравственное воздействие оказывает Петрович и на Таисию Черненко. Далеко до безупречности Таисии, Оказавшись близким для Мещерякова человеком, она одновременно способна стать марионеткой в руках его недругов. Ее жертвенность не воодушевляет, а расслабляет, вызывает и у других немилость к жизни. И такую женщину полюбил Петрович. Но любовь его не была пассивной, выжидательной. Он сумел помочь Таисии обрести себя как личность, понять, в чем же подлинный смысл революционной борьбы.

Всем ходом и строем своего произведения опровергая тех, кто клеветает на народность и оптимизм советской литературы, Сергей Залыгин в романе «Соленая Падь» развил лучшие гуманистические традиции отечественной прозы, вопреки модным на Западе антигуманным теориям «сверхчеловека» и «негероя» показал в полный рост трудовой народ — двигателя и хозяина истории, которому по силам перестроить жизнь по новым законам, рост его энергии, мобилизуемой большевиками, воспел силу и красоту народной борьбы за социалистическую революцию. История Ефрема Мещерякова, простого землепашца, сделавшегося самозабвенным революционером, главноком крестьянской республики, символизирует гуманизм Октябрьской революции, громадный рост творческих сил и возможностей трудового человека в условиях, созданных Великим Октябрем. В самоотверженной борьбе за Советскую власть, под влиянием идей социализма растет и организуется восставшая крестьянская масса; приобщившись к великой правде большевизма, вырастает как личность Ефрем Мещеряков, а с ним и другие герои романа.

В современной полемике о смысле исторического прогресса, о социальных возможностях человека, его способности побеждать злое сплетение обстоятельств опыт историко-революционного эпоса С. Залыгина является для иных зарубежных оппонентов убедительным ответом и предметным уроком. В трудных условиях сражались, умирали, спорили — жесто-

ченно, до самозабвения — о великих идеях его героин... Но смотрите, как светлеет исторический небосклон, как растет истинно человеческое в человеке, в народе! Пространство истории обогащается социальными и нравственными завоеваниями.

Важное место в раскрытии этих исторических процессов занимает эпопея белорусского писателя И. Мележа «Дыхание грозы», посвященная отображению диалектики социального преобразования села в эпоху коллективизации, героических и драматических черт незабываемых тридцатых годов. Тот факт, что тема коллективизации не исчерпала себя, что она способна взволновать читателя новыми историческими деталями, подробностями, доказывают такие произведения, как «Нарюха» М. Алексеева, «Былинка в поле» Г. Коновалова, «Сотворение мира» В. Закруткина, «Деревня на перепутье» И. Авижюса, «Белые облака» А. Сизоненко. Об этом свидетельствует и «Дыхание грозы» — вторая часть дилогии «Полесская хроника».

«Истомный, безмятежный покой в Куренях» — этой фразой в начальных страницах романа автор как бы подчеркивает кажущуюся вечной устойчивостью и дремотную медлительность быта села Курени — небольшого островка среди болот белорусского Полесья. Утром в Куренях заспанно скрипят ворота, и заспанные хозяйки и хозяева выгоняют со дворов коров и телок. Вечерами Курени снова «исподволь утихают»: спят «хаты с черными окнами, пустые дворы, молчаливая улица...». Но за этим размеренным однообразием уже ощутимы глубокие сдвиги. Выйдя по совету родителей замуж за сына куреневских богатеев Глушаков, Ганна Чернушка не находит в этой семье добра и счастья. Бездушные Глушаки видят в Ганне только батрачку, измываются над ней и становятся причиной гибели ее дочери. Изверившись в возможности лучшей доли и тяжело переживая замужество Ганны, также женится не по любви и пытается выбиться в крепкие хозяева ее возлюбленный Василь Дятел.

Но не может развиваться жизнь по противным природе законам. И уходит Ганна от Глушаков. И стремятся вернуть утраченную, но не ушедшую совсем любовь Василь и Ганна.

Всем ходом своего повествования, спокойного, «равнинного», с разветвленными сюжетными линиями, Иван Мележ подводит читателя к мысли: выход из противоестественного состояния, выход естественный, логичный и закономерный — это объединение земледельцев, вступление их в сельскохозяйственную артель. Настороженно, по-крестьянски недоверчиво, с оглядкой

подходят куруневцы к мысли о том, как расстаться с крестьянской нуждой.

«— Только в артели, в коллективе — спасение. Только так избавимся от голода и голытьбы. Добьемся такого, что будет хлеб на столе — и к хлебу будет! И сами и дети оденемся как люди. Легче станет работать... Иначе не выйдемся! Только так: все вместе. Артелью», — призывает Апейка, сурового, требовательного и справедливого склада деревенский парень, в прошлом красноармейский агитатор, затем волостной и районный руководитель.

«— Не прогадаете!» — со спокойной уверенностью говорит он и видит, что даже его уверенность многих смущает.

«— Дак если ж бы знать!

— Может, выгадаешь, а может, без ничего останешься!..»

Психологическое состояние крестьянина естественно, рассказ о нем правдив. Говоря об этой стороне правды 30-х годов, автор подчеркивает и другую: «По всей стране старались для крестьян, для колхозов, заводы: делали тракторы, молотилки, веялки, готовили удобренья. И всюду, в каждом селе, по всей земле широкой люди тревожились, думали о колхозах; обобществляли скот, имущество, соединяли в большие поля тесные полоски, перепачивали межи. Вместе шли воевать с извечной крестьянской бедой...»

Но была еще одна сторона правды в той полной надежд, романтики и противоречивых трудностей поре в жизни полеского края, и ее тоже не обходит молчанием Иван Мележ. Рядом с убежденным коммунистом, партийцем Апейкой, живущим во имя коренных перемен в устоявшемся укладе куруневской жизни, не менее «самоотверженно» работает и другой коммунист, антипод Апейки — Башлыков. Башлыков искренне убежден, что ни к чему считаться с настроениями людей, они для него лишь «почва», которую следует перепачать: «Им тянуться и тянуться надо, чтобы понять справедливость нашу, пролетарскую!.. Отдирать надо их от старого, не жалея!..»

Не слышны ли в этих словах Башлыкова отзвуки споров Брусенкова с Мещеряковым и Петровичем? Брусенкову с его властолюбием и жестокой сектантской прямолинейностью, холодному, лишенному малейшей отзывчивости Башлыкову противостоят в романах не только Мещеряков и Петрович, Апейка и Миканор, им противостоят весь дух борьбы, которую ведут коммунисты против всяческих разновидностей «головокружения от успехов», противостоят правда гуманизма большевистской партии. Как и С. Залыгин и И. Мележ всем ходом своего повествования подчеркивает величие и торжество этой правды.

В романе «Дыхание грозы» весьма символичным является

эпизод, когда к коммунисту Апейке приходит сын богача Глушака, отношение к которому, как к кулаку, у Апейки выразилось одним словом — непримиримость.

«— Можно зайти? — парень спрашивал тихо, застенчиво.

— Заходите, садитесь...

— Меня зовут Глушак Степан, — тихо, не отводя взгляда от Апейки, сказал он. — Я подал заявление в Водовичи. Хотел поступить в водовичскую коммуну. Мне сначала сказали, что — хорошо, примем. А потом отказали. Ответили, что не могут принять, потому что мой отец — кулак... Мой отец — кулак. На него наложено твердое задание. Но я ушел от него. Мы с ним теперь — чужие.

— Почему вы ушли? — заинтересовался Апейка...

— Хотел перетерпеть. Но не вытерпел!

— А не жалко его, отца?

— Нет, можно сказать, нет, — взглянул он открыто. Подумав, добавил: — Мать жалко. Замучилась она...

— А с братом как? Дружно жили?

— ...Мне такого брата век бы не видеть!..»

Апейка сомневается, можно ли верить сыну кулака, изучает его и, преодолев недоверие, приходит к выводу: «Человек из тебя, видно, может выйти. Неплохой человек, полезный...»

«В мыслях мелькнуло неожиданно веселое: «Вот она — сила нового, от самого Глушакова дерева ветви отрывает. Родного сына оторвала!» За этим сразу же веселое, сильное вызрело решение: «Что ж, так и быть: бери, течение, носи его с собою. Очищай, мой для новой, для нашей жизни!..»

Такой была истинная правда того времени, и ее, эту правду, с неопровержимой силой реализма засвидетельствовал в своем романе, удостоенном Ленинской премии, Иван Мележ. Засвидетельствовал, развенчав и опровергнув вымыслы некоторых зарубежных «сверхобъективных доброжелателей» о 30-х годах нашей истории как периоде якобы сплошного антигуманизма.

Конечно же, приход Степана не мог родить в коммунисте Апейке заблуждение, будто оторванная ветвь перерождает само дерево. Апейка знал: богачей Глушаки и им подобные не переманятся. Конечно же, он знал — не мог не знать и о том, что куреневские мужики по-разному относятся к новому — кто с надеждой, кто с отчаянием, кто с трезвой рассудительностью, а иные со злобой. По социальному составу мир Куреней неоднороден: здесь и кулаки, с бессильной яростью встречающие рождение колхоза, и бедняки, решительно поддерживающие новые начала деревенской жизни, есть и колеблющиеся, сомневающиеся, но большей частью твердо верящие в справедливость Советской власти середняки. И он, Апейка, глубоко постигает

«самый главный», гуманистический смысл борьбы за коллективизацию, за новую жизнь и новую судьбу белорусской деревни: она проводится трудовым народом, для трудового народа, во имя будущего трудовых людей.

Такие произведения, как «Дыхание грозы» Ивана Мележа, красноречиво свидетельствуют, что советская литература все пристальнее всматривается в образ коммуниста в его историческом развитии, раскрывая через него всю сложность и величие огромной деятельности партии по переустройству жизни советского народа на социалистических началах.

Преобразуя мир, коммунисты не только познают предмет своего созидания, но и глубже осознают в борьбе самих себя, свою сущность революционных преобразователей мира. Этот процесс внимательно прослежен в романе Коновалова «Истоки».

В центре романа — династия Крупновых, символизирующая трудовую и боевую славу русского народа, рабочая семья, давшая стране сталеваров, инженеров, партийных работников, дипломатов, солдат.

«Редкое событие на Волге миновало Крупновых. Временами плодovitый их род едва не исчезал. Однако проходили годы, и снова от Нижнего до Астрахани среди сталеваров и речников, плотников и бродяг встречались рослые сухощавые Крупновы — пшеничной желтизны кудри на непокорной голове, устремленный приземляющий взгляд чуть выпуклых глаз да с горбинкой нос» — так начинает писатель летопись рабочего рода.

И, следя за его повествованием, узнавая историю семьи Крупновых, мы убеждаемся, что это сама история нашей Советской страны со всеми ее погожими днями, бурями и невзгодами. Мы убеждаемся в том, что Крупновы — это сам народ наш — подлинно движущая сила истории и ее светлый разум.

Над старым волжским металлургом Денисом Крупновым, его семьей, соседями и друзьями, как над всей страной, проносятся бури, а род Крупновых и все, кто с ним рядом, словно могучее дерево, снова распрямляются и продолжают жить, творить и созидать.

Как и подобает работнику, хозяину жизни, Денис Крупнов трудится, растит детей и внуков, идет в пожилом возрасте строить укрепления на подступах к городу. «Я всю жизнь, — говорит он, — как маховое колесо, кружился и не мог долго разглядывать себя. Остановлюсь, когда вот это перестанет стучать. — Денис приложил ладонь к сердцу. — Вот она, Волга, вечно работает, не останавливается для лишних раздумий.

Застойная вода, наоборот, все стоит и думает, дремлет, оттого она и плесневеет».

Рабочий человек Денис Крупнов привык жить для народа, во имя торжества социализма; этому же — измерять социальные и нравственные устои исторического бытия — научил он и сынов своих.

Рабочая династия Крупновых поняла великий смысл будней свободного, самоотверженного труда и живет с сознанием великой цели, с глубочайшей заинтересованностью в делах Родины. Высота помыслов, ощущение историчности деяний, чувство ответственности за судьбу страны, принятие дисциплины как воплощения свободы позволили Матвею занять высокий пост в посольстве, Савве стать видным хозяйственным руководителем, Александру — способным военным командиром, Юрию — талантливым партийным работником.

И каждому из них помог осознать себя и свою ответственность за судьбу Родины глава семьи коммунист-металлург Денис Крупнов. Так взращенные и воспитанные главой рода, представители рабочей династии Крупновых всегда в первых рядах борцов, всегда думают и действуют они как хозяева жизни, как деятели государственного масштаба. Живут они трудно, сложно, но бескомпромиссно, гражданственно, революционно.

Один из центральных героев романа — Юрий Крупнов. На его долю выпала немалая ответственность — ему довелось возглавить партийную организацию родного города в канун и в годы войны. Суровое время наносит ему чувствительные удары. Но он стойко, как подобает коммунисту, выносит их. Выносит и способен вынести и большее, так как исполнен подлинного оптимизма, веры в народные массы. Он постоянно опирается на них, ищет правильные решения вместе с ними, а потому не может отнестись безучастно к успокоительно-сладким речам демагога Иванова в первые дни войны. «...Не понимает, что конца войны не видно? — думает Юрий. — А может, еще хуже: все понимает, да сомневается, хватит ли у рабочих духа видеть голую правду? Чую я его невысказанное высокомерие. «Я, мол, Иванов, не расклевуюсь от жаркого огня правды, а вас надобно оберегать, через сказку вести к истине...» Коммунист-ленинец Юрий Крупнов говорит с рабочими откровенно и честно. И его горькие, но правдивые слова о том, что враг силен и коварен, что предстоят трудовые и военные сложности, что иного выхода, как каждому мобилизовать все свои силы на победу, нет, — встречают понимание рабочего класса.

Эта по-ленински глубокая вера в силу духа советских людей, доверие к ним и опора на них в трудный для страны час, чувство Родины и революционная устремленность проходят

лейтмотивом через весь роман «Истоки», роман об исторических судьбах людей, стоявших у колыбели новой эпохи и определявших ее смысл и содержание.

На первый взгляд у старшины Федота Васкова, героя повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...», мало общего с героями «Истоков». Но это на первый взгляд. Чем глубже мы вчитываемся в повесть «А зори здесь тихие...», вдумываемся в образ Федота Евграфовича Васкова, тем больше убеждаемся в том, что, как и его предшественники и лучшие современники, коммунист Федот Васков, пусть не такой уж гибкий и бойкий и пусть всего лишь с четырьмя классами образования, наделен высотой помыслов, ощущением историчности деяний, чувством глубочайшей ответственности за судьбу родной страны. С крестьянской обстоятельностью и хозяйской добросовестностью выполняет он приказ: задержать фашистских диверсантов. Диверсантов оказывается шестнадцать, а бойцы у Васкова — не бывалые солдаты, а малоприспособленные к боевым действиям девушки, у которых нет ни жизненного, ни воинского опыта. И с этими пятью зенитчицами, у одной из которых «волосы, как грива, до пояса, у другой какие-то бумажки в голове» и у всех, «между прочим, одни родимые, образца 1891 дробь тридцатого года» винтовки, Васков совершает подвиг: шестнадцать вооруженных до зубов фашистов, пробирающихся со взрывчаткой к Беломорскому каналу, обезврежены — двенадцать убиты, четверо взяты в плен. Операция проведена осмотрительно, талантливо. Но гибнут пятеро девушек-бойцов, и не в воле Васкова было это предотвратить.

Пошедшие в разведку Женя Комелькова и Рита Осянина наталкиваются на немцев. Отставшая Рита Осянина не знает о том, что немцы рядом, а Женя Комелькова не в состоянии предупредить ее. И Женя, чтобы защитить и спасти подругу, решает привлечь все внимание фашистов к себе.

«Она верила в себя и сейчас, уводя немцев от Осяниной, ни на мгновение не сомневалась, что все окончится благополучно.

И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несуразно и неправдоподобно было умереть в девятнадцать лет...

А немцы ранили ее вслепую, сквозь листву, и она могла бы затаиться, переждать и, может быть, уйти. Но она стреляла, пока были патроны. Стреляла лежа, уже не пытаясь убежать, потому что вместе с кровью уходили и силы. И немцы добились ее в упор».

Подвиг, который совершили старшина коммунист Васков и

пятеро девушек-комсомолок, не был бессмысленным, как могла бы утверждать модернистская абстрактная «алитературная» критика, — своими телами они преградили дорогу врагу. К этому высокому и целесообразному подвигу их вело чувство глубокой ответственности.

Нельзя сказать, что сознание ответственности не бывает свойственно и героям экзистенциалистской литературы. Но там человек становится ответственным, только отделившись от общества, от коллектива, массы, «общего», даже если это «общее» — прогрессивная борьба. Вот какой, например, ведут разговор в драме Жана-Поля Сартра «Мертвые без погребения» арестованные фашистами бойцы французского Сопротивления:

«Канорис. Не ломай голову. Я уверен, что товарищи не упрекнут нас ни в чем; только подумают, что нам не повезло.

Анри. Наплевать на товарищей.

Канорис (шокированный, сухо). Значит, тебе надо исповедоваться.

Анри. К черту исповедь. Теперь я только одному себе должен дать ответ».

Несколько позже Анри говорит: «Впервые за три года я остался наедине с самим собой. Мне приказывали. Я подчинялся. Моя жизнь была оправдана. Сейчас никто не может отдать мне приказания и никто не может меня оправдать...»

Итак, чтобы «избавиться от стереотипа», личность должна выйти из «массы». Только тогда она приобретает ответственность, но это будет ответственность только личная, ответственность только перед самим собой.

Посмотрим же, чем в подобных описанному в драме Сартра случаях руководствуются герои произведений социалистического реализма. Нет, они не избавлены от глубоких, даже трагических чувств и переживаний. Их не в меньшей степени заботят и мучают нравственные проблемы.

Показателен в этом отношении последний разговор сержанта Васкова с Ритой Осяниной.

«Здесь у меня болит. — Он ткнул в грудь... — Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев? — Ну зачем так... Все же понятно, война...»

— Пока война, понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось? Почему я фрицев этих дальше не пустил, почему такое решение принял? Что ответить, когда спросят: что же это вы, мужики, мам наших от пулю защитит не могли? Что ж это вы со смертью их оженили, а сами целенькие? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? Да там ведь тоже, поди, охрана, там ведь людшек куда больше, чем пятеро девчат да старшина с наганом!

— Не надо,— тихо сказала она.— Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал».

На войне, где, как свидетельствует автор, сам в прошлом ее участник, «нервы напряжены до предела, где на первый жизненный срез снова выходит первобытный смысл существования — «уцелеть», коммунист Васков и его румяные бойцы думают все же главным образом не о себе и о том, чтобы уцелеть,— думают они о Родине, чтобы она выстояла и уцелела в жестоком поединке с врагом. Ради этого они жертвуют всем.

Истинно философским оптимизмом наполнено произведение Бориса Васильева. Оптимизм этот выстраданный, трагедийный, но глубокий. Сверхчеловеческим напряжением сил, на которое враг не был способен и которого не ожидал от советских людей, ценою собственной жизни — иного выбора у них не было, и предотвратить это они были не в силах,— герои Бориса Васильева достигают исхода, к которому стремятся. И эта их победа — это победа советского характера, победа советского образа жизни, победа коммунистической идейной убежденности.

В отличие от модернизма, где героем становится вещь или «поток ощущений» разорвавшего связи с обществом и безответственного перед ним субъекта, в отличие от всех разновидностей декаданса, романтизирующих жестокость, бесчеловечность и безответственность человека перед обществом, искусство социалистического реализма трактует отношения личности и общества как социально-нравственную категорию. Отвергая и опровергая «отчуждение» и «биологизм», где персонажи подчеркнуто социально бездеятельны и лишены истинно человеческих черт, советская проза последних лет, продолжая и развивая традиции социалистического реализма, изображает сложный духовный мир незаурядных людей с глубокими страстями и острым чувством ответственности перед обществом, партийного, воинского, гражданского долга.

Таков, например, роман Ю. Бондарева «Горячий снег». Персонажи этого произведения, в котором лирическая «исповедальность», документализм, психологическая детализация и публицистичность слились в едином повествовательном потоке, действительно противостоят «отчужденным» и биологизированным созданиям модернистских авторов.

Во время марша по заснеженной, изрезанной складками холмов степи, способной вызвать поток мыслей о потерянности, бренности и одиночестве, к герою романа Ю. Бондарева Кузнецову приходят мысли прямо противоположного свойства. «Лейтенант Кузнецов,— свидетельствует автор,— вдруг почувствовал эту всеобщую объединенность десятков, сотен тысяч

людей в ожидании еще не изведенного скорого боя и не без волнения подумал, что теперь, именно с этих минут перед движением к передовой он сам связан со всеми ими надолго и прочно».

Эту связь со всеобщей объединенностью десятков, сотен и тысяч советских людей чувствуют в романе «Горячий снег» и командующий армией генерал Бессонов, и командир орудия Уханов, и член Военного совета Веснин, и лейтенант Давлатян, и рядовой Чибисов, и многие другие труженики войны.

Когда после жестокого боя рядовой Рубин вдруг впал в истерику, командир орудия Уханов, не отличающийся дисциплинированностью, бесшабашный Уханов раскрывается в истинном свете:

«— Запомни, Рубин, я тоже от границы топаю, знаю, по чем фунт пороха. Но даже если мы все до одного поляжем здесь, истерик не допущу! — сказал Уханов внушительно и спокойно. — Немцев-то все же мы зажали возле Волги, или это не так? Война есть война — сегодня они нас, завтра мы их! Ты когда-нибудь на кулачках дрался, приходилось? Если тебе первому в морду давали, звон в чердаке был, искры из глаз летели. Наверняка небо с овчинку казалось. Главное — суметь подняться, кровь с морды вытереть и самому ударить. И мы все-таки ударили. Или чесались под Сталинградом, Рубин? Другая драка пошла. Не обручальное колечко подарили фрицам на память».

В этом исполненном спокойного делового достоинства, грубоватом чувстве причастности к большому делу, личной ответственности рядового труженика войны за минувшее и за то, что еще впереди, видно отражение глубоко философского, поистине гуманистического понимания войны коммунистом Бессоновым: «...я за насилие над злом, и в этом вижу смысл добра».

Перед лицом врага, несущего гибель не только им, но и всем, кого они защищают, герои Ю. Бондарева спаяны нерушимым братством суровых воинов, не допускают бессмысленной жестокости, но и отвергают чрезмерную деликатность, снисхождение и жалость к человеческой слабости, идущие вразрез с осознанной необходимостью, диктуемой жестокими условиями войны. Они, непоколебимые воины, непреклонные коммунисты, осознанно и беспрекословно подчиняются самой высокой для них власти — власти воинского и гражданского долга, партийной совести и чести.

Эта власть глубоко отлична от той, на которую уповает один из персонажей этого произведения, лейтенант Дроздовский — на власть безоговорочного, порой даже бездушного подчинения

одних людей другим. Автор «Горячего снега» подчеркивает мысль о созидательной силе идейной убежденности советских людей. Подчеркивает тем, что показывает, как сила Советской Родины в суровую годину войны крепилась не только мощью государственной и партийной организации, не только усилиями командиров, но и — что особенно важно — осознанной волей бойцов-коммунистов, рядовых партии, рядовых тружеников войны.

Мысль об ответственности воинов каждого участка освободительной народной войны перед Родиной, народом, перед павшими в сражениях, перед вдовами и сиротами, перед теми, кто ковал оружие и растил хлеб во имя победы, органично живет в романе.

Умение в реальных делах приобщаться к проблемам государственного масштаба, когда человек достигает подлинного звания хозяина своей страны, характерно и для героев произведений Вадима Кожевникова «Петр Рябинкин» и «Особое подразделение». Повести отличаются естественностью изображения высоких нравственных качеств людей, представляющих главные начала нашей жизни.

Повести «Петр Рябинкин» и «Особое подразделение» — это своеобразный мост, связующий два времени — время Великой Отечественной войны, когда проверялись отношения людей к своему гражданскому и воинскому долгу, их нравственная чистота, и быстротекущее время нашей актуальной современности с ее сложными морально-нравственными проблемами, имеющими самую прямую связь со сферой героического.

В повести «Петр Рябинкин» Вадим Кожевников исследует «моральный подтекст» героического поведения человека на войне, взглядом художника и философа стремится проникнуть в то немаловажное обстоятельство, как простой, вчера еще мирный житель совершает подвиг и становится героем. Размышляя над этим, автор подводит читателя к мысли о том, что победу делают независимо от их воинского звания солдаты, ощущающие себя полководцами. Главный источник подвига, утверждает Кожевников, это любовь к Родине, а сам подвиг — то необходимое и единственное, что требуется от тебя в данный момент для общей победы. Петр Рябинкин, для которого «заводская жизнь и на фронте оставалась образцом поведения», как и подобает рабочему человеку, не заботясь о личном успехе, количественном личном счете, не стремясь к рывку на пределе души, спокойно, скромно, деловито, без суеты и шума делает свое необходимое на войне дело, выполняет военную работу так же хорошо, как трудился в мирное время. Тем самым он, вче-

рашней молодой рабочий, ставший на войне командиром подразделения, ежедневно, ежечасно совершает подвиг.

С достигнутым в боях за честь Отчизны ощущением неразрывного единства со своим народом Рябинкин вступает в мирную жизнь. С этим высоким ощущением, с чувством ответственности по самому большому счету перед людьми, работа с которыми требует способности к проницательности, чуткости и принципиальной правде, приступает Петр Рябинкин к исполнению ответственных обязанностей освобожденного секретаря заводского партийного комитета. И это закономерно и логично, ибо герой В. Кожевникова — «рабочий человек из того поколения советских людей, которое изумило мир своей доблестью и скромной простотой, с какой оно пришло к празднику Победы — подвигу века, возвысив звание человека своей верностью человечности, всему тому, что мы чтим в людях нашей Отчизны».

Герой повести «Особое подразделение» коммунист Степан Буков, солдат и труженик, шагает по послевоенной земле с чувством двойной ответственности за все, что делается в стране, — своей и тех, кто с войны не вернулся.

Свершения и поступки свои и окружающих Степан Захарович Буков измеряет суровой фронтовой меркой и считает, что настоящие люди — это те «у кого зоркости хватит при своем труде обо всем пространстве страны думать. Это и есть высшая человеческая квалификация при любой профессии».

Неторопливый, рассудительный, с добрым чувством юмора, он, Буков, завоевывает симпатии своей цельной и обаятельной человечностью, мальчишеской застенчивостью, расточительной душевной щедростью, но особенно — своей значительностью в труде. «По существу я кто? Рабочий человек. Считаю высшим званием в любом человеческом деле — звание мастера», — говорит Степан Буков. И то, что мастерство самого Букова «не специальность, а особенность человека», что сам он представляет собой работника с заглавной буквы, герой «Особого подразделения» подтверждает во всем: возвращая в строй вытасанный из под обстрела покалеченный танк; ремонтируя и охраняя подземные коммуникации послевоенного Берлина; разрабатывая новые приемы работы машиниста экскаватора; прокладывая в пустыне новый канал. Всюду он проявляет особую смекалку, бережное внимание к работе, активное, хозяйское отношение к жизни. И этот особый душевный склад, ощущение личной причастности ко всему совершаемому народом, присущее советскому рабочему — представителю передового отряда человечества, ставит Степана Букова в ряд людей того «особого подразделения», которое срывается на переднем крае жизни.

О таких, как коммунист Буков и кто ему сродни, писатель сказал исчерпывающе точно: «Страну нашу вызвездило хорошими людьми на всем долгом и трудном пути ее истории. Они нам и светят при всех — и хороших, и плохих — обстоятельствах жизни, при любой, так сказать, погоде. Светят неугасимо».

Светлые образы подлинных представителей ленинской школы жизни, наделенных высокой человечностью, глубоко партийной идейной убежденностью и стойкостью, пришли к нам из произведений художественной прозы последних лет, посвященной великому подвигу советского народа в Великой Отечественной войне.

Назвав эти произведения правдивыми и впечатляющими, Л. И. Брежнев с трибуны XXV съезда партии о них сказал: «Вместе с героями романов, повестей, фильмов, спектаклей участники войны как бы снова проходят по горячему снегу фронтовых дорог, еще и еще раз преклоняясь перед силой духа живых и мертвых своих соратников. А молодое поколение чудодейством искусства становится сопричастным к подвигу его отцов или тех совсем юных девчат, для которых тихие зори стали часом их бессмертия во имя свободы Родины. Таково подлинное искусство. Воссоздавая прошлое, оно воспитывает советского патриота, интернационалиста».

Главный герой лучших советских повестей и романов о современности — человек, активно участвующий в строительстве коммунизма, живущий полнокровной, содержательной духовной жизнью, наделенный характером неповторимым по богатству содержания, значительности чувств, зрелости отношения к происходящему вокруг. С образами борцов революции — Павла Власова, Клычкова, Чапаева, Жухрая, Кожуха, с образами героев ударного строительства — Давыдова, Увадьева, Басова, с известными всему миру героями Отечественной войны — Маресьевым, Кошевым, Чайкиной, Космодемьянской, Матросовым его роднят преданность коммунистическим идеалам, беззаветное служение высоким и благородным марксистско-ленинским идеям. В то же время герой произведений последних лет, в которых изображается наша динамичная современность, — сын своего времени, своей эпохи. Его коммунистическая нравственность, социально-классовое осмысление жизни — итог бурного, целеустремленного развития нашего общества.

Сегодня коммунист изображается советскими писателями несколько иначе, чем он изображался в 20, 30, 40-е годы. Герой тех лет часто был энергичным, волевым, поглощенным конкретными делами практическим работником, но иногда ему не хватало душевной теплоты, писатели не всегда изображали мир

его личных переживаний, подчеркивая его самоограничения, аскетический образ жизни.

Но нельзя и противопоставлять образ положительного героя прежних лет правофланговому современному коммунистическому строителю. Классовое сознание, глубокая партийность, идейная бескомпромиссность, готовность пойти на риск в определенных ситуациях, непреклонность в осуществлении цели, строгий самоконтроль характерны для коммунистов наших дней, как и для их предшественников. Вместе с тем сегодняшний боец народного авангарда, в силу естественного развития социалистического общества, возрастания авангардной роли Коммунистической партии, значительно больше приблизился к осуществлению ленинского призыва к коммунистам умело сочетать деловитость и революционный энтузиазм, научную трезвость в анализе объективного положения вещей с признанием значения революционной энергии масс, строгий анализ общественных отношений с большевистским горением и революционной романтикой.

На всем героическом пути созидания общества развитого социализма время и обстоятельства формировали и перестраивали человеческие характеры, а люди, в свою очередь, изменяли время и преобразовывали обстоятельства. И заслуга советских писателей, отмечает критик и литературовед В. М. Озеров, состоит в том, что, углубленно изображая происходящее в жизни преодоление граней между мечтой и повседневностью, они объективно отображали процесс духовного формирования коммуниста, нового понимания им своего общественного долга, своей исторической роли в коммунистическом созидании, и при этом отображали этот процесс в тесной связи с особенностями соответствующего этапа исторического развития страны.

В этом плане показателен образ Олега Прончатова в повести Виля Липатова «Сказание о директоре Прончатове». Следует сразу оговориться, что автор изображает своего главного героя чрезмерно полемически, допускает определенный перебор в изображении его, так сказать, «на грани пограничных линий жизни», и тем не менее герой Липатова жизнен, правдив и полнокровен.

Олег Олегович Прончатов — личность незаурядная. Это энергичный, уверенный в себе человек, хорошо знающий дело, с большими запросами и широким размахом — настоящий хозяин жизни.

Прончатов, несмотря на определенную противоречивость его характера, порой чрезмерно увлекающуюся эмоциональную натуру, воплощает в себе дух творческого отношения к делу, го-

сударственного мышления и широкого интереса к происходящему вокруг, при котором соблюдается одно из важнейших требований современности — быть компетентным, делать дело с умением высококвалифицированного специалиста.

Герои советской литературы наших дней, как и подлинные герои современности, воплощают в себе тот дух активного действия, дух творчества и глубокого позитивного интереса ко всему происходящему вокруг, который воспитывают в советских людях партия, наш строй, вся система общественных отношений. В этом в значительной степени способен убедить роман И. Сибирцева «Околдованные звезды».

В центре романа — сложный образ ученого-строителя, человека дела. Автору не все удалось в романе, однако он все же довольно объемно раскрыл сложность и диалектичность творческого поиска ученого наших дней, убедительно показал, что в настоящем коммунисте неистребима ответственность за жизнь в самом широком смысле этого слова.

Способность судить самого себя, свои поступки высоким судом нравственности присуща героям произведения — опытному гидростроителю Коломнину, его сыну Сергею. Жестокое потрясение — болезнь отца, причиной которой в значительной мере были лишённые душевной чуткости слова и действия Сергея, заставило молодого инженера о многом передумать и прийти к выводу: «Кто из нас не повторял афоризм: революция — локомотив истории. Революция бессмертна. Локомотивы истории мчатся быстрее год от года. Но никто и никому не дал право толкать людей под колеса... А мы в пылу нужнейших дел и острых споров, бывает, перестаем слышать друг друга и оправдываем себя: сначала дело, потом сердечность».

Твердость взглядов, решимость в осуществлении намеченного, кипучая энергия, внутренняя готовность жить и работать по-коммунистически, неутомимая жажда идейного и нравственного совершенствования — вот чем привлекают герои последних произведений, передовые коммунисты 60-х годов. И среди них — рабочий Владимир Прохоров из повести Михаила Колесникова «Право выбора».

Сварщик Прохоров — коммунист, и о нем как о коммунисте можно сказать, что он личность глубоко партийная, наделенная истинно государственным мышлением. Партийность его проявляется во всем — в поступках, в складе мышления, эмоциональных восприятий. Прохоров — человек творческий, деятельный, сильный в своей созидательной активности. Он любит людей, всячески проявляет о них заботу, особо дорожит общением с товарищами-рабочими. Их мнения, взгляды на происходящее в ок-

ружающей жизни, весь строй и тонус их жизнедеятельности для Прохорова особенно дороги.

Во Владимире Прохорове автор сумел с художественной убедительностью проследить сам процесс формирования личности коммуниста, показать единство народного и партийного начал.

Поэзия производства, поэзия индустриального труда составляет органическую основу романа Владимира Попова «Обреть в бою». В романе отражена одна из важнейших особенностей происходящего в обществе процесса формирования нового типа человека труда. Отличительной особенностью этого процесса, как единодушно отмечает литературная критика, является возрастание коэффициента интеллектуальности, предполагающего гражданскую обостренность, глубинность нравственных оценок, представлений, масштабность раздумий, открытость ума и сердца важнейшим проблемам времени.

Содержание жизни Бориса Рудаева, героя романа «Обреть в бою», — борьба. Борьба за принципиальное решение проблем родного завода, борьба за то, чтобы в людях зрело и побеждало сознательное, заботливое коммунистическое отношение к труду, ко всей жизни. Та борьба, которую ведет Борис Рудаев за совершенствование производства и в которую активно вовлекаются его товарищи по работе, есть обретение ими подлинного звания хозяев своей страны.

Ощущение себя не одиночкой, а членом коллектива, с которым сопрягается жизнь и соизмеряются все жизненные и трудовые планы, страстный порыв к совершенству, тяга к творчеству как к главной сущности жизни, внутренняя готовность жить и работать по-коммунистически являются одними из важнейших черт нашего современника. В этом нас убеждает образ бригадира Потапова из пьесы А. Гельмана «Заседание парткома» и из кинофильма «Премия», созданного на основе этой пьесы. Рабочий Потапов в полной мере мог бы сказать о себе словами Леонида Мартынова:

Я уяснил,
Что значит быть свободным.
Я разобрался в этом чувстве трудном,
Одном из самых личных чувств на свете.
И знаете, что значит быть свободным?
Ведь это значит быть за все в ответе!

Это неумное стремление к полному проявлению своих лучших деловых и душевных качеств свойственно Виктору Лагутину из пьесы Г. Бокарева «Сталевары», Сергею Баклакову из романа Олега Куваева «Территория» и многим другим героям

произведений советских писателей последних лет. Работающий в нелегких условиях Крайнего Севера геолог Сергей Баклаков рассуждает: «Мы все обреченные люди... Мы обречены на нашу работу, и это... есть лучшая и высшая в мире обреченность». Ощущение подлинного счастья, высокого и благородного достоинства — в этих словах, которые могли бы произнести многие советские люди, ибо для них любимая работа не есть нечто случайное и нейтральное, а глубокое понимание общественной своей роли, своего места в жизни страны естественно и закономерно.

«Возьмите, к примеру, то, что ранее сухогато называли «производственной темой», — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС. — Ныне эта тема обрела подлинно художественную форму. Вместе с литературными или сценическими героями мы переживаем, волнуемся за успех сталеваров или директора текстильной фабрики, инженера или партийного работника. И даже такой казалось бы, частный случай, как вопрос о премии для бригады строителей, приобретает широкое общественное звучание становится предметом горячих дискуссий».

Коммунисты — в жизни и в литературе, действующие в наши дни и в десятилетия, им предшествующие, соизмеряют свою жизнь с высокими моральными нормами и идеалами партии и народа, стремятся быть на уровне высоких нравственных устремлений общества развитого социализма. Пришедшие в нашу духовную жизнь из произведений литературы и искусства, посвященных подвигу советского народа в прошлом и в настоящее время, представители народного авангарда покоряют нас своим нравственным здоровьем, чистотой и силой. Наделенные недекларативной самобытностью характеров, извлеченных из народной жизни, и невыдуманной сложностью формирующих их обстоятельств, они не только оживляют нашу память о свершенном, но и обогащают наш нынешний духовный опыт опытом тех поколений, которым довелось идти первопроходцами, обрести себя, свое лицо и свою индивидуальность в горниле классовых битв и самоотверженного труда во имя социалистического и коммунистического грядущего Родины и народа.

В этих образах, по выражению Чингиза Айтматова, — «жизненная сиюминутность долговременных нравственно-эстетических ценностей; в них — жизненный, деятельный, чувственный опыт нашего народа превращен в мысль ради того, чтобы пережитое, открытое и сотворенное коммунистами, нашей партией, не утратилось, а стало основанием для дальнейшего развития жизни народа».

МУЖЕСТВО ВЫСОКОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Помните горьковское: превосходная должность быть на земле человеком... Человек должен быть другом людей... Во все тяжелые моменты жизни, во все трудные минуты ее мое сердце пело всегда один гимн: «Да здравствует человек!».

Кажется, это так естественно, что иначе и быть не может. Но нельзя не согласиться и с утверждением кубинского мыслителя, поэта и революционера Хосе Марти: быть человеком — самая трудная профессия...

В октябре 1979 года «Правда» рассказала читателям о давней дружбе, которая связывает семью работника одного из институтов Волгограда Александра Иванушкина и рабочего из города Наумбург (ГДР) Карла Шубутца. Истоки этой дружбы уходят в далекий декабрь 1953 года. В один из последних дней уходящего года старший лейтенант Советской Армии А. Г. Иванушкин, будучи в Наумбурге проездом, увидел в первом этаже одного из домов пламя. Огонь бушевал в коридоре, — прорвало газовую трубу — казалось, пробиться сквозь него невозможно. В окне второго этажа Александр увидел женщину, беспомощно пытающуюся спасти детей. Решение пришло мгновенно. Сбросив шинель, Иванушкин кинулся в огонь. С первого раза пробиться не удалось: на пути встала плотная огненная завеса. И все же Иванушкин, подвергая свою жизнь смертельной опасности, сумел прорваться в горящий дом. Семья рабочего Карла Шубутца — его жена и дети Регина, Бернд и Рейнхард — были спасены.

Сам Иванушкин с тяжелыми ожогами оказался в госпитале. Советского офицера посетил тогда премьер-министр ГДР Отто Гротеволь. В адрес Александра пришло множество писем. В одном из них рабочие вагоноремонтного завода в Биттерфельде писали, что хотят своей бригаде присвоить имя Иванушкина. В газетах ГДР отмечалось, что в благородном поступке советского офицера проявились дружественные чувства людей Страны Советов к немецкому народу.

Человеколюбие, человечность — неотъемлемые качества граждан Страны Октября. Начиная с детства, советский человек воспитывается в атмосфере высокого гуманизма, ибо социалистическая действительность воплотила в себе вековые мечты и идеалы людей о добре и справедливости.

Гуманистический характер советского общества, сама сущность господствующей в обществе марксистско-ленинской идеологии, направленной на благо человека, социальная и экономическая политика Коммунистической партии и государства пре-

доставляют советским людям широкие возможности проявления высоких духовных качеств, самоотверженности и героизма.

Приведенный случай с Александром Григорьевичем Иванушкиным — это лишь один из примеров сравнительно недавнего прошлого. Но и более далекие годы и сегодняшние дни нашей социалистической действительности со всей убедительностью подтверждают: мужество высокой человечности было присуще советским людям на всех этапах истории нашей страны. И, как характерная черта советского человека, оно, естественно, не могло оказаться незапечатленным во многих произведениях нашей многонациональной литературы.

Не перестает привлекать своей достоверностью, чистой идейно-нравственных принципов лейтенант Княжко из романа Юрия Бондарева «Берег». Эти принципы наиболее ярко проявляются в труднейшей, исключительной обстановке. Вспоминается кульминационный эпизод романа. Поступая как истинный освободитель, Княжко хочет спасти от бессмысленной гибели обманутых нацистами молодых немцев и выходит к врагу в открытую, безоружный, чтобы предотвратить ненужное кровопролитие.

«— Стой! Никому не стрелять! Пехота! Перлин! Ни одного выстрела! — прокричал Княжко, поворачиваясь к Перлину, подле которого тонким столбиком покачивался младший лейтенант Лаврентьев с яблочными пятнами на щеках. — Слушайте, Перлин! Стрелять только по моему приказу! Только по моему!..

И после того, как он скомандовал это, все стало прежним в облике Княжко, только лицо не утратило прозрачной бледности. Он провел рукой по ремню знакомым жестом, чуть прямое над лбом поправил пилотку и, нахмурившись, зачем-то вынимая на ходу носовой платок из кармана, слегка прихрамывая, пошел напрямую от орудия к крайним соснам, последним перед поляной. Там, уже ясно видимый в яркой прозелени травы, он решительно поднял платок над головой и, помахав им, закричал что-то на немецком языке — несколько фраз, отделяя их паузами. Никитин понял едва ли три слова: «нихт шиссен» и «юнге», но совсем не предполагаемое и отдающее жутью действие Княжко, его приказ не продолжать неравный бой с засевшими в доме немцами, то, что казалось одной гранью правды или всей правдой, было и бессмысленным риском и выходом из безумия, которое тем же безумным шагом своего трезвого разума хотел прекратить Княжко, не выдержав этого животного вопля немцев, вызванного двумя выстрелами орудия по окнам в упор.

— Что делает? Куда пошел? Ку-уда-а? Лейтенант!..

Перлин ожег черными глазами Никитина, метнулся своей квадратной фигурой сбоку орудия; треща по сучьям сапогами,

подбежал к штабелю дров, схватил растерянного Лаврентьева за портупею, затряс его, закричал ему в лицо.

— Быстро! По цепи! Чтоб ни одного выстрела! Душа из тебя вон! Ну!.. На крыльях лети!

...Воюющие крики людей не затихали в лесничестве. Княжко, невысокий, узкий в талии, спокойный с виду, сам теперь похожий на мальчика, шел по поляне, размеренно и гибко ступая сапожками по траве, размахивая носовым платком. Он выкрикивал отчетливо немецкие фразы, прикладывая руку ко лбу, чтобы яснее услышали его в доме. Обезумевшие вопли впереди стали затихать. И видно было, как в нависшей звонком сжатой тишине возникли, появились пятна голов среди проемов нижних окон. Потом там раздалась команда, визгливо вскрикнули несколько голосов, и тогда через мгновение неуверенно и робко полоснул белым на солнце опущенный из окна мансарды лоскуток.

— Ну! Все! Молодец ваш ангел! — задышал жарким табачным перегаром в ухо Никитина Перлин и вторично с нерасчитанной силой ударил его ракетницей по локтю. — «Моло...»

Но радость эта была преждевременной. Среди немецких юношей, спешно поставленных под ружье защищать гибнущего фюрера и рейх, оказался и оголтелый нацист, каскетку которого издали разглядел друг Княжко — Никитин. Зверски расправившись с тем, кто посмел вопреки его воле вывесить белый флаг, остервенелый фашист направил автомат на безоружного советского парламентаря. «...Белые вспышки автоматной очереди из окна мансарды, где округло темнел силуэт каскетки, как будто толкнули в грудь Княжко, он сделал шаг назад, внезапно споткнулся и сделал шаг вперед, странно и тихо упал на колени, закинув голову, отчего свалилась с головы щегольски аккуратная маленькая пилотка, открыв светлые, всегда причесанные на пробор его волосы, жестом невыносимой усталости провел носовым платком по лицу и, словно еще пытаясь оглянуться на оружие, в последний раз увидеть позади что-то, вдруг, уронив голову, повалился грудью в траву, едва различимый на середине сияющей под горячим солнцем поляны».

Совсем еще юноша, Княжко пожертвовал собой ради будущей жизни обманутых фашизмом немецких парней. Безмерной ценой всего, чем обладал, советский человек спас их, спас тогда, когда, как заметил писатель Даниил Гранин, все еще было накалено оправданной ненавистью к захватчикам.

Мог ли он поступить иначе? Априори, с точки зрения возможного выбора — мог. Исходя из идейно-нравственных принципов, убеждений и устремлений — нет.

Идейно-нравственный максимализм? Да. И этим он, Анд-

рей Княжко, сродни Корчагину, Чапаеву, Телегину и Кошевому, он их безусловный и достойный последователь.

Но правомерно ли было проявление такого идейно-нравственного максимализма в тех суровых условиях, в каких действовал герой Ю. Бондарева? Оправдан ли смертельный риск, которому он не захотел подвергать никого, но подверг себя? Андрей Княжко считал, что это было необходимо для утверждения тех высоких гуманистических принципов, которые несли советские солдаты освобожденным народам Европы и которые сегодня стали нормой взаимоотношений с ними народов нашей страны. Именно поэтому он так осознанно, убежденно и так самозабвенно шагнул навстречу смертельной опасности.

О таких, как он, литовский поэт Юстинас Марцинкявичюс сказал:

Благословен, кто жертвует собой
Для человечества
И человека.
Чтоб над всемогущим, всемогущим злом
Добро сумело одержать победу...

А разве не о нем, не о таких, как Андрей Княжко, горьковские слова:

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

Подвижнический поступок Княжко и других, подобных ему героев — отнюдь не следствие бездумности, фатализма или фанатизма, он плод высокого и благородного, основанного на коллективистской психологии советского человека мужества, которое нерасторжимо связано с человечностью.

Представители популярного на Западе модернистского, так называемого «нового романа» или «антиромана» — Ален Робб-Грийе, Натали Соррот и другие — провозгласили ныне, на их взгляд, весьма «оригинальную» программу: оградить искусство от «тирании гуманизма». Они стремятся изображать мир как некую абстрактную субстанцию, абсолютно лишенную человеческого присутствия.

Способен ли постичь столь глубокомысленное «искусство» обыкновенный человек? Знакомясь с «образцами» такого «искусства», проповедующими жестокость, равнодушие, эгоистичный эгоцентризм, холодную, умозрительно-рассудочную пассивность, он вправе задать вопрос: что это — парадокс века, каприз моды или просто откровенное вырождение; не есть ли это стремление освободиться от «тирании гуманизма» насажде-

нием подлинной тирании бездуховности, отвлекающей трудящихся от непримиримых противоречий и драматических социальных конфликтов в мире чистогана и наживы? Ответ предельно ясен: наступление на гуманизм, на личность человека ведется в этом случае особенно агрессивно.

Но в многомерном арсенале «интегрированного», «постиндустриального» общества есть и более искусные приемы нападок на гуманизм. Один из них — борьба против человека под развернутым знаменем самого «действенного», «истинного», «подлинного» «гуманизма». Ныне на Западе под такими лозунгами выступают, к примеру, философы и литераторы-экзистенциалисты, к ним пристраиваются и новоявленные пророки «левого» и правого «неомарксизма».

Одному из основоположников экзистенциализма немецкому философу Мартину Хайдеггеру принадлежат слова: «Ни одна эпоха не имела столько разнообразных знаний о человеке, как нынешняя... Но ни одна не знала так мало о том, что такое человек, как нынешняя. Никогда человек не был до такой степени проблемой, как в нашу».

В чем же состоит эта проблема? Американский психолог и социолог Эрих Фромм отвечает следующим образом: «В XIX столетии проблемой было: бог умер; в XX столетии проблема заключается в том, что человек умер».

В качестве причин глубокого духовного кризиса буржуазного общества один из патриархов экзистенциализма, немецкий философ Карл Ясперс, а за ним и его единомышленники — французские философы и писатели Альбер Камю, Жан-Поль Сартр и другие — называют не проблемы социального бытия человека, а несовершенство его мышления. В ходе первой мировой войны, полагает Ясперс, люди впервые поняли, что история не содержит гарантий гуманности, так как она, по его словам, «неразумна и не неразумна».

Альбер Камю, твердя о бессмысленности жизни, превращает абсурд в постулат, с помощью которого конструирует понятие личности. «Говорят, что мир абсурден, — утверждает Камю, — но это слишком поспешное суждение. Сам по себе мир попросту неразумен, вот и все, что можно о нем сказать. Но столкновение этой иррациональности с отчаянным желанием ясности, все более овладевающим человеком, — вот что абсурдно».

Сартр, так же как и Камю, в конечном счете отрицает возможность преобразования условий бытия и не находит ничего более утешительного, как пропагандировать свободу, которая выражается только в том, чтобы говорить резкое «нет» абсолютно всему окружающему.

Провозглашая на словах, что самое главное для нее — защита достоинств личности, философия экзистенциализма на деле оказывается философией мрачного, бесперспективного одиночества и оборачивается против самой личности. Таков гуманизм экзистенциализма. Сущность других буржуазных философско-эстетических течений еще более антигуманна.

В американском журнале «Гуманист», парижском «Экономика и гуманизм», лондонском «Гуманисте», в широком потоке статей, публикуемых в различных сборниках, брошюрах и монографиях, буржуазные идеологи изощренно фальсифицируют марксистские принципы гуманизма, измышляют все новые, более и более утонченные псевдогуманистические концепции. Неустойчивость человеческого бытия в мире эксплуатации и наживы они пытаются свести ко всеобщей закономерности. Если жизнь человека бессмысленна, если исторический процесс лишен гуманности, то тщетны стремления к преобразованию действительности, к единству, — вот к чему, по существу, сводится «пафос» буржуазных идеологов подобного толка, проецирующих «с легкостью необыкновенной» духовный кризис западного мира на мир социализма.

Постигая объективные законы развития социалистического общества, его истории, глубоко и правдиво отражая диалектику развития нашей жизни, советская литература решительно противостоит пессимизму, фальсификациям, квазигуманизму апологетов старого мира. Один из главных вопросов этой идеологической борьбы — вопрос о революции.

Сколько потуг уже потрачено впустую буржуазными идеологами, чтобы очернить Великий Октябрь! Пытаясь изобразить «жестокий, антигуманный облик» революции, ее творцов и вершителей, они изо всех сил пытаются приспособить к своим неблагоприятным теориям произведения литературы социалистического реализма. Препарированию подвергались и подвергаются «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Чапаев» Д. Фурманова, многие произведения современной советской прозы.

С точки зрения интеллигентствующего буржуа, «арара» — атака добровольной безоружной конницы из стариков, женщин и подростков, сопровождаемая шумовыми эффектами, — самое крайнее и драматичное средство партизанской войны, к которому прибегают главнокомандующий крестьянской республики Ефрем Мещеряков и комиссар Петрович (роман С. Залыгина «Соленая Падь»), — неопровержимое свидетельство антигуманности не только Мещерякова и Петровича, но и соленопадских партизан, самой революции, за дело которой они

сражаются и во имя торжества которой ведут за собой крестьян. Мещеряков санкционирует «арару», Петрович же уравновешенно и рационально, с полным сознанием ответственности организует ее.

Но не лучше ли таким интеллигентствующим критикам взглядеться и вдуматься в те условия, в те конкретные обстоятельства, при которых Мещерякову и Петровичу пришлось использовать это самое крайнее средство партизанской войны. Они прибегают к нему потому, что иного выхода у них не было: колчаковцы выставили перед своими наступающими колоннами заложников — живую стенку из стариков, женщин и детей. Чтобы сразить наступающих беляков, партизаны должны были бы стрелять по безоружным.

«Вот как начали сражение белые — с самой крайности, с крайней точки!

Вот как заставили своего солдата сражаться — на глазах у всех сделали его извергом, палачом, и каждый солдат теперь узнал, кто он, и ни один уже не мог ждать от партизан милости, ни одному не оставалось ничего, как только убивать, убивать кого и как попало, либо самому быть убитым.

Вот к чему они шли, белые, выступив против Соленой Падди по разным дорогам еще месяц назад, еще в военном строю, в полках, батальонах, ротах и взводах, при знаменах, боевых уставах и полковых священниках!»

Об этом с болью, гневом и отчаянием думает Ефрем Мещеряков, прежде чем принять окончательное, неотвратимое решение. «Задохнулся Ефрем. Заплакал Ефрем. Дико взвыл и бросил свою мерлушковую папаху обземе...»

Да, «арара» — это крайняя мера, и проводится она не ради ее самой или для возвеличения ее организаторов. Старики, женщины и подростки привлекаются к бою в самую трудную, самую отчаянную и безвыходную минуту, чтоб уцелели и люди, выстроенные беляками в «живую стенку» и тем самым обреченные на смерть, и сами участники «арары». Ведь против и тех и других — колчаковцы, озверевшие в своих действиях и своей жестокости. Крестьяне — старики, женщины и дети — это отчетливо понимают. Ясное понимание бесчеловечного обличья своих врагов и благородства собственной цели рождает у них решимость и вдохновение, с которым они обрушиваются на врага.

Все это так. И все же как сложно, как невыносимо мучительно было Мещерякову согласиться на «арару». Хотя «желающих бежать с арарой было не счесть — все старики, все ребятишки», «стояла арара перед глазами Мещерякова нынче все время. И даже когда он забегал на съезд, слушал речи и воззвания, видение это — как выметнулись пестрые кони и

безоружные люди на увал, под серенькое небо, под Моряшihu—все время возникало перед ним. Неотступно». Ефрем Мещеряков вынужден с болью, мучительно перешагивать этот страшный эмоциональный рубеж. Но, перешагивая через него и уже перешагнув, он продолжает судить себя высшей мерой нравственной ответственности, мучительнейшим судом собственной совести и чести. Благодаря тесному единению с народом эта ответственность у коммунистов Мещерякова, Петровича становится все более полной и более осознанной.

В объединении судеб одного с судьбами всех, в слиянии главкома, комиссара с рядовыми бойцами, когда все знают общую цель боя и каждый знает свое место в нем, и состоит главный нравственный пафос кульминационного эпизода защиты «партизанской республики», ставшей частью великой, самой гуманной, самой нравственной революции.

Разве Октябрь не воистину гуманен, не воистину величествен, если создает порой самые непредугаданные возможности не только для социального, но и для нравственного возвышения личности, если он требует от борца не только победы и воинской доблести, но и полного соответствия его личной нравственной жизни великим задачам созидания нового общества! «Вы победы имели, это правильно: Мещеряков — в сражениях, Брусенков — в гражданском главном штабе, но революции — ей одних побед над врагами слишком мало! Ей нужны победы над победителями! Над самим собой она требует побед! Чтобы в каждом торжествовало революционное существо, чтобы мы побеждали в себе гадов!» — так выражает нравственный максимализм солдат революции комиссар соленападской армии, стойкий и кристально честный коммунист Петрович.

Истинное величие и истинную гуманность людей, живущих в «прекрасном и яростном» мире, убедительно раскрывают советские литераторы в своих произведениях.

В статье «Пророческие слова» (1918 г.) В. И. Ленин писал о глубоком различии гуманизма пассивного, созерцательного и гуманизма деятельного, не чуждающегося черновой работы.

«Они, — говорил Владимир Ильич Ленин о псевдогуманистах, — готовы «теоретически» допустить революцию пролетариата... только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской войне...»

Большевики знают иной путь к торжеству справедливости, социального преобразования: «Пусть каркают «социалистические» хлюпики, пусть злобствует и бешенствует буржуазия... У нас есть все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее, готовящее нам новых со-

юзников, новые победы социалистической революции в ряду более передовых стран. Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одиночания и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства».

Под флагом защиты гуманистических принципов, под прикрытием лозунга о защите человечности буржуазная наука игнорирует факты, которые неопровержимо свидетельствуют, что подавление ранее господствовавших классов необходимо для победы революции именно из-за беспощадности и жестокости контрреволюции. Нам не привыкать к попыткам различных зарубежных «радетелей за чистоту революции», таких, как Фишер, Гароди, Страда и других, поносить за «антигуманность» целые поколения советских людей, свершивших революцию, ценой тяжелых лишений, гигантского труда и героизма построивших социализм, одержавших победу в Великой Отечественной войне, решающих в наше время сложные созидательные задачи.

Взамен реального и действенного социалистического гуманизма они хотели бы навязать нам буржуазный абстрактный гуманизм, суть которого поучительно раскрыта в романе эстонского писателя Э. Ветемаа «Реквием для губной гармоники». Основные события в романе разворачиваются в годы Великой Отечественной войны под «нейтральным» куполом деревенской церкви, где скрываются от преследований захватчиков убивший фашистского оккупанта молодой батрак Арне, его друг Хейки и Йоханнес, на чьем хуторе убит фашист. Приютивший их пастор Якобс проповедует человеколюбие и сплоченность в дни общенародного несчастья, ибо, по его словам, эстонские братья, сыны господни, в тяжкие дни испытаний забывают свою вражду и «как эти маленькие сплоченные цветы... держатся вместе, чтобы заглушить пышные заморские цветы...»

Но вдохновенные пасторские проповеди неспособны противостоят неумолимой логике жизни, которая провела непреодолимый раздел между богатым хуторянином Йоханнесом и его батраками Арне и Хейки. Сама историческая неизбежность предначертала им быть врагами. По-своему духовно цельные, по-батрацки солидарные, но по-батрацки же до наивности простоватые Арне и Хейки в какой-то момент под воздействием общей опасности, проповедей пастора и мечтательного миролюбия со стороны их хозяина забывают о его социальной сущности, утрачивают способность реалистически воспринимать действительность и не решаются его обезвредить. Вдали от своих обычных деревенских забот владыка хутора и хозяин батраков

Йоханнес становится грустно сентиментальным и, как бы нравственно очищаясь, делится с товарищами по невзгодам своей необычной мечтой: «перед смертью выйти разок в море на паруснике...». Ну как же можно, думают Арне и Хейки, такого Йоханнеса, «который летит под парусами по синему-синему морю, по белым-белым барашкам, ну как можно связать такого Йоханнеса?»

Но мечтательный Йоханнес даже в самые сложные минуты своей печальной грусти продолжает оставаться владельцем хутора. В то время, как расчувствовавшиеся батраки боятся потревожить его печальную грусть и странную мечту, он, хозяин, думает только о том, как сохранить и защитить свое богатство: «Что со мной будет, когда немцев прогонят? Сошлют в Сибирь. Не лежать мне на нашем кладбище... Вся моя жизнь — псу под хвост...». За свое хозяйство он готов к смертельной схватке и как только находит подходящий предлог («Они подожгли мызу!») устраняет Хейки, пытается устранить и Арне.

Вот они — плоды абстрактного гуманизма, которому не дано изменить социальное нутро ярого собственника.

На словах буржуазная мораль не терпит насилия над личностью, с ее точки зрения Марюс Нямунис, один из главных героев романа литовского писателя Йонаса Авижюса «Потерянный кров», появляющийся с оружием в руках в чужой усадьбе и вешающий на люстре одного из гостей хозяина, — тиран, насильник, антигуманная личность. Да, все это «соответствует» истине, если подходить к действительности с мерками абстрактного гуманизма. Но ведь истина абстрактной не бывает. Истина всегда конкретна, и «красный Марюс», командир партизанского отряда, не вдруг появляется в «чужой» усадьбе, а возвращается в Лауксоис как справедливый мститель, борец, приходит как представитель народа к помещику — немцу, примчавшемуся из Восточной Пруссии на оккупированные литовские земли и захватившему в действительности не принадлежащий ему дом. Приходит, чтоб привести в действие приговор, вынесенный партизанами предателю — старосте Кучнайлису, доносчику, подстрекателю, пособнику фашистов, убийце. Выполняя волю народа, он выполняет свой долг перед народом и тем самым осуществляет истинно гуманную акцию.

Коммунист Бессонов — герой романа Юрия Бондарева «Горячий снег» говорил: «Я за насилие над злом и в этом вижу смысл добра». Так расценивает свои действия и Марюс Нямунис. Эту же мысль он внушает мятущемуся, тщетно пытающемуся найти свой «третий путь» Гедиминасу (Гедиминас Джюгас уходит в деревню, чтобы сеять хлеб, стать пахарем, — в этом он видит спасение от неотвратимого пособничества гит-

леровским оккупантам): «Думаешь, приятная работа убивать человека, будь он распоследней сволочью? Если помнишь наши довоенные разговоры, скажи: жаждал ли я тогда крови? Мы же не отправляем в расход, как фашисты, без разбора каждого, кто носом не вышел, а стараемся отсеять врагов от своих. Мы, коммунисты, хотели, чтоб под нашим знаменем вырос добрый урожай, чтоб всем хватило работы и хлеба, а детям — места в школе. Может, не все получилось так, как должно было, но основа нашей программы прежняя — борьба за человека. Не убить, а защитить человека от убийц».

Таков Марюс Нямунис. Его убеждения и действия воистину гуманные именно потому, что они глубоко партийны. «Активный, действенный характер нашего гуманизма прямо связан с его партийностью, с коммунистической целеустремленностью, — справедливо писал в одной из своих работ критик Леонид Новиченко, — попытки так или иначе разъединить гуманизм и партийность... означают в идейном смысле крупный шаг назад и прочно закрывают пути к постижению истинного облика человека современности».

Люди, думающие иначе, обречены на трагедию, подобную той, которую пережил верный благородным, но наивным представлениям о честности, справедливости, национальной гордости Гедиминас. Попытка уйти от общества, замкнуться в скорлупе нейтралистского индивидуализма не спасает его. Долгий и трудный путь нравственных исканий и физических страданий пришлось пройти Гедиминасу Джюгасу, прежде чем он осознал жестокую и целительную истину: в одиночку человек не может совладать с бурями и трагедиями века.

Для всякого объективного исследователя вопрос о том, способна или не способна советская действительность, а вслед за ней и советская литература создать и отобразить гармонически развитого, подлинно гуманистического героя, воистину праздный. Но австрийский философ Эрнст Фишер считал иначе. Поклонник и проповедник «реализма без берегов», рьяный поборник «плюралистического, демократического гуманного социализма», Фишер утверждал, что практика строительства социализма, социалистическая культура так и не смогли сформировать нового человека, что подлинный герой советской литературы — человек, деформированный условиями жизни. Отождествляя бытие советских людей с бытием «свободных» людей на Западе, Фишер сделал вывод: «Человек деформируется не только там, но и здесь», — то есть в социалистическом обществе, не создавшем до сих пор «целостного человека».

А как же быть, господа критики, с героями произведений Ю. Бондарева, С. Залыгина, И. Мележа, И. Авижюса? Как

быть с персонажами романов и повестей, таких, как «Живые и мертвые» и «Случай с Полюниным» К. Симонова, «Истоки» Г. Коновалова, «Вечный зов» А. Иванова, «Барбинские повести» и «Философский камень» С. Сартакова, «Вишневы омут» и «Ивушка неплачущая» М. Алексеева, «Матерь человеческая» В. Закруткина, «Кровь и пот» А. Нурпеисова, «Пастух и пастушка» В. Астафьева, «Петр Рябинкин» и «Особое подразделение» В. Кожевникова, «Версты любви» и «Дни без войны» А. Ананьева, «Сотников», «Обелиск» и «Дожить до рассвета» В. Быкова, «В августе сорок четвертого» В. Богомолова? Куда, к какому разряду отнести таких героев, как видный подпольщик и ученый Иван Акимов («Сибирь» Г. Маркова); чабан Танабай и его друг парторг колхоза Чоро, силой партийного сознания преодолевающие все трудности, выпавшие на их долю («Прощай, Гюльсары» Ч. Айтматова); командующий армией генерал Бессонов, член Военного совета Веснин, лейтенант Кузнецов, живущие в атмосфере нерасторжимого единства со всей страной («Горячий снег» Ю. Бондарева); Михаил Прыслин, тянущий на себе всю самую трудную, несказанно тяжелую работу в хозяйстве, где в годы войны и в послевоенный период остались одни женщины («Две зимы и три лета» Ф. Абрамова); компетентный, с широкими интеллектуальными запросами директор сплавконторы Олег Олегович Прончатов («Сказание о директоре Прончатове» В. Липатова), и многих-многих других?..

Как сбросить их со счетов, если все это личности жизненно достоверные, крупные, яркие, заражающие своим оптимизмом, отличающиеся высокой нравственностью, богатством характеров, значительностью чувств, зрелостью отношения к жизни? Только повернувшись спиной к советской действительности и советской литературе, можно не заметить этих и других ее впечатляющих героев.

Явные и скрытые поклонники «интегрированного» общества, проповедники «реализма без берегов» и «социализма с человеческим лицом», весьма печалятся о том, что мы не внимаем их «заботливым» советам, сетуют на то, что мы не склонны реализовывать их «конструктивные» предложения для «усовершенствования» социализма и социалистического реализма. Но у советских людей есть свой собственный взгляд на подобные «радения».

«На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь мир буржуазия и ее лакеи..,— говорил Владимир Ильич Ленин,— приходится 10 000 великих и геройских актов — тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной де-

ревни, совершены людьми, не привыкшими кричать о каждом своем успехе на весь мир...»

Таково кредо коммунистов.

И разве не выражают это кредо, может, несколько заостренно-полемичные, но в целом верные и мудрые слова великого русского поэта Александра Блока, к которым не мешало бы прислушаться нашим «доброжелателям»:

«Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных, но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно, всегда — *о великом*».

Развивая эту мысль, он в другой работе писал:

«Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда уже не будет. Европы, которая была, нет и не будет... Мир вступил в новую эру. Та цивилизация, та государственность, та религия — умерли. Они могут еще вернуться и существовать, но они утратили бытие, и мы, присутствовавшие при их смертных и уродливых корчах, может быть, осуждены теперь присутствовать при их гниении и тлении... Художнику надлежит пылать гневом против всего, что пытается гальванизировать труп... Художнику надлежит готовиться встретить еще более великие события, имеющие наступить, и, встретив, сумеет склониться перед ними».

Безнадёжно узко прокрустово ложе концепций и стереотипов, в которое буржуазная философия и литературная критика пытаются втиснуть советскую действительность и советскую литературу. В противовес маоистскому аскетичному «винтику», человеку, которому думать не положено и за которого думают другие, в противовес вознесшемуся над действительностью, лишённому какой-либо ответственности перед обществом буржуазному супермену, советская литература изображает реального, полнокровного человека — личность, осознающую действительность и себя в этой действительности, свое место в ней, место строителя и хозяина новой жизни.

Естественно, что динамизм политической, хозяйственной и культурной жизни страны постоянно усложняет характер социальных задач, а следовательно, и некоторых противоречий нашего общества. В решении этих задач, поставленных партией и государством, в столкновении с определенными противоречиями жизни и преодолении их и проявляется характер нашего

современника. Все это не может не обогащать образ героя нашего времени в литературе.

Вспомним снова липатовского Олега Олеговича Прончатова («Сказание о директоре Прончатове») с такими его диалектически противоречивыми чертами, как простота и в то же время тяга к бытовой благоустроенности, комфорту; скромность и вполне оправданная доля честолюбия; принципиальность и умение проявить в нужный момент хозяйственную дипломатию; справедливость и суровая, беспощадная резкость по отношению к тем, кто, пусть даже искренне заблуждаясь, выступает против важного дела; грубоватая прямота и тонкое восприятие окружающего; мужская порядочность и увлекающаяся эмоциональность, компетентная рационалистичность и ребяческая бесшабашность... А разве не сложен, не противоречив, скажем, образ рабочего-строителя Арсения Морощки из романа Михаила Бубеннова «Стремнина»? Грубоватый и суровый, Морощка порой и выражается отнюдь не галантным способом и в драках участвует... Вместе с тем рабочий Арсений Морощка, как и инженер-руководитель Олег Прончатов, вовсе не герой с печально известной непременной «червоточинкой». Он не прямолинейно-примитивная, а сильная, цельная и естественная натура, и всякая экзистенциалистская или модернистско-фрейдистская раздвоенность для него неприемлема, органически ему чужда. Коренной сибиряк, он, как и герой В. Липатова, воплотил в себе такие лучшие черты людей этого сурового, мужественного края, как неумная энергия, спокойная и уверенная деловитость, смекалистая предприимчивость, отвага, немногословие, скромность и душевность. И в работе и в жизни на него можно вполне положиться с абсолютной уверенностью в том, что ко всему он отнесется сознательно, все сделает на совесть.

Высота, на которую поднялось в своем развитии наше социалистическое общество, предъявляет все более серьезные требования к людям. Эти требования — в необходимости соответствовать духу времени и грандиозной перспективе развития. Они заключаются как в умении быть цельным в работе, точно определять производственную, экономическую целесообразность процессов научно-технической революции, так и в способности быть гуманистом в широком смысле этого слова. Решая сегодня экономические, хозяйственные задачи, каждый участвующий в коммунистическом строительстве не вправе забывать о том, что эти задачи являются одновременно и задачами политическими, идеологическими. Недаром партия постоянно обращает внимание руководителей на их ответственность за идеологические, воспитательные последствия хозяйственных и административных решений. Это вновь с особой силой под-

черкнуто в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Социалистическое государство живет интересами трудящихся. Этими интересами измеряется каждый практический шаг нашего поступательного развития, потому-то и лозунг «все во имя человека, все для его блага» наполняется в наше время еще более конкретным содержанием.

Социализм открыл невиданный простор гуманистическим деяниям, отверг утверждения буржуазной пропаганды, будто время практического строительства новой жизни отодвинет человечность на задний план. Поэтому такие проблемы, как воспитательный эффект хозяйственной деятельности, моральная и практическая целесообразность и возможность более рационального выбора при решении экономических задач, занимают столь заметное место в произведениях последних лет.

Героиня пьесы Афанасия Салынского «Мария» — секретарь райкома партии Мария Одинцова — страстно борется против утилитарно-делаческого подхода в хозяйственных делах, против пренебрежительного отношения к людям как простым исполнителям распоряжений руководителя. Она идет на острый конфликт с любимым человеком, археологом Бокаревым, и с весьма авторитетным начальником строительства Добротиним, сформулировавшим утилитарно-прагматическую программу: «...Сейчас век мысли, век техники... Время нежности еще не пришло». Отвечая Добротину, Мария Одинцова справедливо напоминает: «Мы душу человеческую строим. А если по-вашему, так и человека с хорошими задатками можно превратить в бездумного, раблепного исполнителя! Сегодня он послушно взорвет мрамор, а завтра будет жить по самой подлой формуле: мы люди темные, нам абы гроши да харчи хороши...».

Права Мария Одинцова: строительство коммунизма на каждом его участке сегодня требует и всегда будет требовать нравственного обеспечения. В этой связи нельзя не согласиться со словами рабочего-коммуниста Степана Букова, героя повести Вадима Кожевникова «Особое подразделение»: «...Слово «гуманизм» для коммунистов не сезонное. Оно — наша сущность и цель историческая».

Осознание себя не одиночкой, а полноправным членом коллектива, с которым тесно связана вся жизнь, стремление к совершенству, тяга к творчеству, созиданию являются важнейшими чертами нашего современника. Нравственный облик советских людей, их патриотизм проявляются и в государственном подходе к работе, и в пронизанной романтическим вдохновением деловитости, и в заботе о счастье людей, готовности и спо-

способности к подвигу. Каждый из лучших наших современников не только стремится сам быть лучше, как того требует долг перед предшественниками и сегодняшним временем, но заботится и о том, чтобы другие становились духовно выше.

Над многими тревожными проблемами нашего века раздумывают герои современных произведений. «Недавно я видел в журнале два фото, — рассуждает Рийпс, один из персонажей пьесы эстонского драматурга Раймонда Каугвера «Свой остров», — и подпись: «Вчерашний и сегодняшний день сланцевой шахты». На одном киркой горняки отбивают сланец в темном забое, на втором — шагающий экскаватор поднимает пятнадцать кубов одним махом. Прекрасная разница, правда? И этот живописный гигант нагло не скрывает того, что оставляет за собой. Понимаешь, позади него — зона вывороченной, навеки мертвой земли. Если бы в кабине торчал робот, тогда естественно. Но там живой человек, и он улыбается, видимо, фотографу. Уничтожил столетние леса, поля, луга, уничтожил землю — и улыбается! Скажите мне, что же это делается! Промышленность создана для человека или человек сам становится собственностью промышленности?»

Конечно, такая проблема существует в жизни, и, конечно же, к ее решению следует прикладывать максимум усилий, хотя и не так, как это делают юные персонажи пьесы «Свой остров». Да, герои ее не идеальны — тому есть и определенное объяснение: они еще слишком молоды и незрелы, но их патриотическая забота о будущем Родины, высокий накал гражданских чувств — свидетельство отнюдь не одномерности, в которой пытаются обвинить героев советской литературы ее «знатоки» за рубежом.

Действующие лица романов и повестей «Циклон» О. Гончара, «Кто-то должен» Д. Гранина, «Чинара» А. Мухтара немало размышляют о современной науке, освободившей от вечной дремоты силы, которые способны уничтожить все живое. Своей мыслью и талантом человек вызывает из небытия грозную мощь стихии. Сможет ли он в конце концов обуздать эти силы? И, пройдя через горнила жизненных испытаний и мучительных раздумий, герои этих произведений справедливо приходят к мысли: есть кому защитить человечество.

Запасы социалистической нравственности поистине неисчислимы. Они и в революционной преемственности традиций старших поколений, и в пафосе созидания и обновления советского общества, и в героизме современников, строящих будущее — коммунизм — и стойко охраняющих мир на планете. Они и в атмосфере той высокой духовности, в которой, вопреки утверждениям буржуазных философов и критиков, живут герои луч-

ших произведений литературы наших дней,— духовности активной, целеустремленной, мужественной, являющейся высшей мерой подлинного гуманизма, в противовес бездумной, недостойной человека рабской покорности или инфантильной умозрительной рассудочности, ни к каким достойным усилиям человека не призывающей и ничего в конечном счете истинно человеческого в себе не содержащей. Эта мужественная духовность строителей нового мира — высшая мера достигнутого человеком духовного богатства.

«...Наши литература, театр, кино, телевидение, изобразительное искусство, музыка,— отмечал Л. И. Брежнев,— дали советским людям много нового, интересного, талантливое. Появились новые произведения и постановки, которые реалистично, с партийных позиций, без приукрашивания, но и без смакования недостатков освещают прошлое и настоящее нашего народа, сосредоточивают внимание на действительно важных проблемах коммунистического воспитания и строительства. Эти произведения вновь подтверждают: чем теснее связь художника со всей многогранной жизнью советского народа, тем вернее путь к творческим достижениям и удачам».

Как прежде, так и теперь герой нашего времени нашей современной литературы — человек, подчиняющий свои помыслы и поступки коммунистическим идеалам. Человек творческого труда, подлинный строитель и хозяин жизни.

Этот герой не станет, как того хотелось бы иным зарубежным «литературоведам», внимать равнодушно добру и злу или метаться в поисках ответа на вопрос: куда пойти, в каком сражаться стане? Не станет, ибо у него четкое понятие добра и зла, его гуманизм цельный, мужественный, партийный.

СОДЕРЖАНИЕ

И вечностью заполнен миг...	3
Мужество высокой человечности	31

Александр Тимофеевич Гаврилов

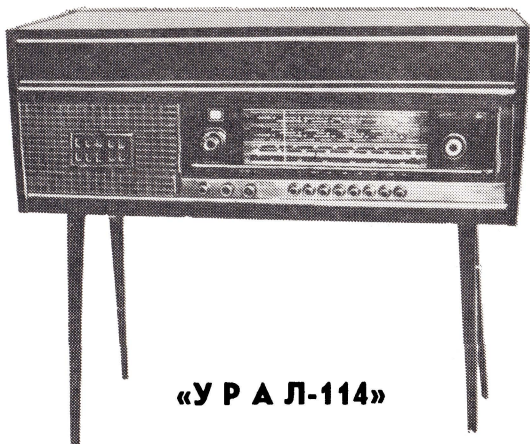
И ВЕЧНОСТЬЮ ЗАПОЛНЕН МИГ...

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 03.06.80. Подписано к печати 08.09.80. А 00418.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Новогазет-
ная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2.10. Учетно-изд. л. 2.99.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 2275. Зак. 2549. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

«У Р А Л-114»

Интересные репортажи и интервью, премьеры радиоспектаклей, новые литературные и музыкальные записи — все это доступно слушателям радиолы.

Четкий, уверенный прием радиостанций, высокое качество воспроизведения грамзаписи отличают монофоническую радиолу «Урал-114».

По сравнению с предыдущей моделью — «Урал-112» — новая радиолы обладает улучшенными эксплуатационными характеристиками: вдвое возросла чувствительность аппарата на коротких волнах, увеличилась выходная мощность.

Тембр звучания регулируется раздельно — по высоким и низким звуковым частотам. Переключение диапазонов кнопочное.

Цена — 146 руб.

ЦКРО «ОРБИТА»